

НА ТЕМЫ ДНЯ

Содержаніе:

1. Передовая статья. — Къ развязкѣ.
2. 9 января.
3. Безработный. — Отъ Кишинева до дѣла Бейлиса.
4. Ольга Лѣвая. — Темное царство.
5. М—ръ. — Агитация въ арміи и военные организаціи.
6. Яковъ. — Въ Бутырской каторгѣ.
7. Г. Алексинскій. — Гrimаса раскола.
8. Резолюція Парижск. Кружка содѣйствія группѣ „Впередъ“.
9. Я. М. — Изъ жизни С.-Д. Лат. Кр. за періодъ общественного подъема.
10. Петр. Ал. — О ленинской конференціи.

Изданіе Группы „ВПЕРЕДЪ“

1917.

На темы дня

№ 4.—Январь 1914 г.

Изд. группы „Впередъ“

Цѣна 50 с.

СОДЕРЖАНИЕ:

1. Къ развязкѣ (передовая статья). 2. Девятое января. 3. Отъ Кишинева до дѣла Бейлиса — И. Безработный. 4. Темное царство Ольга Лѣвая. 5. Агитатія въ арміи и военные организаціи — М-ръ. 6. Въ Бутырской каторгѣ — Яковъ. 7) Гри- маса раскола — Г. А ексинскій. 8. Резолюція Парижского Кружка содѣйствія группѣ „Впередъ“. 9. Изъ жизни соціальдемократіи Латышскаго Края обществен- наго подъема — Лат. с.-д. Я. М. 10) О ленинскай конференціи — Петръ Ал.

Къ развязкѣ.

Политическое положеніе внутри Россіи проясняется съ значительной быстротой. Еще недавно были возможны или, вѣрнѣе сказать, считались возможными споры о томъ, куда идетъ послѣ 1905 года россійскій царизмъ, — къ вѣ- становленію ли до-революціонной самодержавной власти или къ «постепенному» превращенію себя въ «конститу- ціонную» и «европеизированную» буржуазную монархію. Еще недавно даже нѣкоторые соціаль-демократы тратили тщетно массу стараній и терпѣнія на то, чтобы отыскать въ россійскомъ государственномъ режимѣ признаки европеискаго «конституціонализма», и пытались, безуспѣшно, приспособиться къ этимъ новымъ легальнымъ возможно- стямъ и конституціоннымъ гарантіямъ. Дѣятельность жестоко разбила конституціонные иллюзіи, и царизмъ сумѣлъ весьма наглядно показать, какова его политиче- ская сущность. Онъ показалъ это въ разгонѣ 2-й Думы и въ подломъ нападеніи на с.-д. фракцію этой Думы, онъ показалъ это въ трагедіяхъ Зерентуя и Акатуя, въ ленской кровавой расправѣ и въ дѣлѣ о «ритуальномъ убийствѣ». Но помимо этихъ огромныхъ, историческихъ событий сущ- ность россійской конституціи вскываетъ и въ повседневной его «работѣ». Эти постоянные плевки въ лицо народнымъ представителямъ, эти непристойные «законопроекты», выработанные союзомъ объединенного дворянства и въ чайныхъ союза русского народа, — эти законоопроекты объ- усиленіи полицейской власти и о полномъ возстаніеніи цензурного намордника, и безъ того достаточно крѣпко взвинувшаго русскую печать. Эти массовые аресты, вы-сылки и приговоры къ каторгѣ и къ поселенію всѣхъ сколько-нибудь выдѣлившихся дѣятелей рабочаго движе-

нія. Эти суды надъ стачечниками, которыхъ бьютъ и полицеекой и судебной дубиной. Этотъ ростъ тюремнаго населенія и расходовъ на тюрьмы и остроги, на шпіоновъ и жандармовъ. Эти ежедневныя конфискаціи рабочей и демократической прессы, эти десятки редакторовъ, отправляющіеся въ «Кресты» и «Предварилку» послѣ двухдневнаго редакторствованія. Эта травля сектантовъ и инородцевъ, эта казарменная дисциплина въ средней школѣ и въ университетахъ съ профессорами «по назначенію» отъ Кассо. Это публичное браганье царя съ погромщиками, эти любезные царскіе привѣты и награды Пуришкевичу!..

Что это, если не самая подлинная самодержавная конституція, — такая, какой пожалуй, не выдала матушка-Россія и при папашѣ Николая Кроваваго?!

Русскій царизмъ уже не имеетъ къ возстановленію самодержавной реакціи, — онъ уже пришелъ къ ней. И тотъ, кто не видитъ этого, — тотъ либо наивный глупецъ, либо ловкій пройдоха, желающій втереть конституціонныя очки народнымъ массамъ.

Но не только самые наивные глупцы начинаютъ прозрѣвать и понимать сущность россійской «конституціи», а и ловкіе пройдохи, чувствуя, что земля шатается подъ ногами царизма, спѣшить отгородиться отъ него, которому они еще такъ недавно лизали пяту, какъ жалкіе псы. Либеральный публицистъ Изгоевъ, который 2—3 года тому назадъ восхищался государственной мудростью Столыпина и брызгалъ своей жабьей слюной на революцію, теперь съ отчаяніемъ свидѣтельствуетъ, что революція приближается вновь, что уже показались «клубы дыма», предвѣщающіе подземный взрывъ. Прошло и какъ быстро прошло то время, когда либеральные кадеты «дразнили» соціальдемократовъ и другихъ революціонеровъ тѣмъ, что ихъ революціонныя стремленія не осуществились, и что они остались у «ранбитаго корыта» своихъ надеждъ и сил. Эти уситія не затрачены даромъ. Постѣвъ, брошенный бодрыми пахарями великихъ дней октября и декабря 1905 года не пропалъ безплодно. Сворамъ царскихъ опричниковъ, отрядамъ карательныхъ экспедицій не удалось вытоптать его, и онъ вновь даетъ свои революціонные всходы. И если чье корыто оказалось разбитымъ, то именно корыто либеральной маниловщины, которая, морально помогая царизму душить революцію, почтительнѣше просила царизмъ пообчиститься отъ налипшей на него грязи и крови, принять европейскій видъ, надѣть на Россію европейскую манишку. Вместо европейской манишки самодержавіе затянуло страну въ столыпинскій галстукъ. Оно использовало услуги либераторовъ для подавленія революціи, оно употребило для своихъ нуждъ профессора Милюкова съ его «красной тряпкой». Струве и Изгоева съ ихъ неистово-ренегатской злобой противъ всего, что пахнетъ соціальдемократіей и, употребивъ ихъ въ дѣло, отбросило либера-

ловъ, какъ ненужную ветошь, какъ разъ въ тотъ моментъ, когда они воспылали надеждой на «настоящій» «конституціонный» сѣрой.

Вироюемъ, что говорить о либералахъ! Даже октябрьсты, — тѣ окаались слишкомъ лѣвы для династіи Романовыхъ, крѣпко обнявшейся съ династією Пуришкевича - Маркова. Даже Гучковъ, и тотъ, повидимому, почуялъ, что монархія Николая II го безвылазно застѣла въ грязное болото доктябрьской реакції. Даже Гучковъ заявляетъ о томъ, что страна стоитъ «передъ катастрофой», — передъ революціей.

Да революція идетъ къ намъ снова быстрыми шагами. Она идетъ къ намъ не «по-новому», — не черезъ петиціи и легальная возможность, — а по-старому. Она идетъ съ тѣми же лозунгами, какіе звучали по всей Россіи въ октябрьско-декабрьскіе дни. Она идетъ съ демократической республикой для народа и съ учредительнымъ собраниемъ, съ отображеніемъ земли у дворянъ, царя, монастырей и церквей для передачи ихъ деревенской бѣднотѣ. Она идетъ съ 8 ми часовыми днемъ для рабочихъ, со свободой слова, печати, союзовъ и стачекъ, съ широкой возможностью организоваться и вести борьбу за соціализмъ. А для солдатъ и матросовъ она принесетъ съ собой конецъ постылой службы и замѣну казарменной арміи вольными дружинами вооруженного народа.

Революція идетъ къ намъ вновь. И жгучимъ дыханіемъ своимъ, шумомъ алыхъ знаменъ, грознымъ затишьемъ всеобщей стачки, мѣрнымъ топотомъ народныхъ массъ, выступающихъ на улицу для открытыхъ демонстрацій она сумѣеть вдохнуть новую энергию, новые силы въ души тѣхъ, кто впадаль въ уныніе въ годину реакції. Если «недуга» первого подъема революціи въ 1905 г. научила нась быть выдержанѣе и спокойнѣе, считаться съ трудностями и длительностью революціонной борьбы, то неудача царской реакції, не смогшей задавить рабочее движение, а съ нимъ и движение остальной демократіи, показала намъ всѣмъ, что уныніе и пессимизмъ были еще болѣе ненужны и напрасны. Исполнилось вновь предсказаніе революціоннаго марксизма о томъ, что не можетъ крѣпостническая дворянская власть справиться съ запросами и требованіями экономического и общественного развитія страны, что силы этого развитія рано или поздно разорвутъ оболочку устарѣвшихъ государственныхъ формъ и создадутъ почву для политического переворота, — для революціи.

Революція вновь передъ нами. Дѣло идетъ къ развязкѣ. Чтобы эта развязка была окончательной гибелью самодержавія, нужно дружное и мощное дѣйствіе всѣхъ революціонныхъ силъ страны и прежде всего силь революціоннаго пролетаріата, ибо онъ есть двигатель и вождь великой русской революціи.

9-е Января.

Есть великия историческая даты, отъ которыхъ народныя движенія ведутъ свое лѣтосчислѣніе. Ихъ не вытравить изъ совѣсти народа ни грубая сила, ни время, ни цѣль новыхъ бурныхъ событій. Есть дни, когда политическое воспитаніе массъ скрещается съ головокружительной, безумной багровотою, дни, дѣлящіе ист-рию на двѣ грани, есть мгновенія, когда толпы перерождаются, отражая въ сво мъ сознаніи исторический переломъ, длительный незамѣтный процессъ политического развиція страны.

Кто изъ русскихъ рабочихъ не помнить дня 9-го Января?

Утромъ 9-го Января 1905 г. подъ лѣсомъ хоругвей и крестовъ петербургская бѣднота шла съ своей мнѣніи овѣнчаной въ рой къ царю, вечеромъ 9-го Января она строила на Васильевскомъ островѣ баррикады. Утромъ она пѣла пѣсню рабовъ, молилась за царя, вечеромъ изъ ея груди рвалась марсельеза, неслись стоны проклятій вслѣдъ скрывшемуся трусливо изъ столицы ничтожному человѣку, съ именемъ котораго свиздана эта неслыханная безтолковая бойня. Утромъ охранный попъ, вскинутый на гребень волчи событіями, писалъ въ петиціи просящей толпы: „Царь, мы пришли къ тебѣ, какъ дѣти твои. Повели исцѣлить чаянія народа твоего“. Вечеромъ онъ отъ имени толпы революціонной, плача и дрожа отъ негодованія, призывалъ вмѣстѣ со всѣмъ Петербургомъ громы небесные на голову „изнегра“ и его „отродья“ и разрѣшалъ „кровью спаяннымъ братямъ“ и динамитъ, и бомбы, и огонь, и кровь за кровь. За два дни до 9-го Января Струве на освобожденческихъ стралицахъ раздавалъ глубокомысленный соображенія о невозможности революціи въ Россіи, а на другой день послѣ 9-го Января земская оппозиція рукою Струве начертала: „У русскаго народа нѣтъ болѣе царя!“. Россія, въ которой, по завѣреніямъ Струве, не было 9-го Января республика-цевъ, 10-го Января насчитывала ихъ тысячами. И въ этомъ вихре браzenомъ темпѣ политического воспитанія массъ — смыслъ и значеніе этого памятнаго историческаго дня. Въ этотъ день русская революція, вылившаяся въ гигантскій крикъ петербургскаго пролетариата: „Долой царя убийцу!“, пріобрѣла самыхъ надежныхъ самыхъ искреннихъ ресубликанцевъ въ миллионахъ рабочаго класса. Это были не тѣ мягкие тѣлые „республиканцы“, которые въ придворной грязи и въ тайникахъ царскихъ алькововъ черпали „сл.хи“, наушничая въ гостиныхъ земской оппозиціи. Это были не тѣ либералы, которые на другой день послѣ разстрѣла отовились провозгласить себя изъ „публичной библиотеки“ временнымъ правительствомъ и аппелировали въ воззваніяхъ къ „чети“ разстрѣливавшаго офицерства. Это были не тѣ, кто клялся передъ ужасомъ январской рѣви, что „у русскаго народа нѣтъ болѣе царя“, и кто спустя четыре года стоялъ подъ опущенными знаменами „оппозиціи Его Величества“ и пѣлъ гимны на колѣняхъ государственной мудрости Столыпина.

Въ новообращенныхъ рабочихъ республиканцахъ революція нашла людей звѣдой политической мысли, ясной продуманной программы, безкорыстного граждансаго мужества.

Не впервые въ 1905 г. поднялась и осознала себя, какъ классъ, противостоящий всему обществу, рабочая масса. Уже въ предшествующихъ стачкахъ, во время знаменитыхъ Ростовскихъ событій, соціаль-демократія приходила съ нею въ непосредственное соприкосновеніе, сливаясь съ ея обвѣяннымъ энтузиазмомъ движениемъ. Уже тамъ молодой русскій соціализмъ встрѣчалъ передъ собой не небольшие кружки, а огромную аудиторію, разрывающую полицеїскія заставы, аудиторію,

чутко прислушивавшуюся къ новому слову, ловившую на лету дозунги революції. Но съ 9-го Января тысячи дорогъ ведутъ соціальдемократію въ самую гущу массового «виженія», соціалізмъ становится убѣждениемъ широкихъ круговъ рабочаго класса, растетъ и крѣпнетъ революціонная традиція брошенныхъ вширь идей партіи, которая даже при разгромѣ организацій вызываетъ солидарный мощный выступленія пролетаріата. Політическимъ реакціонерамъ не понять, какая невидимая, неудовимая сила, какие скрывшіеся отъ полицейскаго ока подземные комитеты приводятъ въ движение сотни тысяч рабочихъ ежегодно въ майскій празднікъ и январскій трауръ. Реакціонерамъ не понять той глубокой идеиной связи, которая сплотила Шиссельбургскій трактъ и всю рабочую Русь съ соціальдемократіей въ день 9-го Января. Имъ не вдомекъ, что никакіе штыки, никакіе охранки, никакіе шпионы и провокаторы не въ состояніи разорвать и раскрыть этихъ невидимыхъ нитей сознанія, выросшаго въ уваганіи революціонныхъ событий и не поддающагося никакому уоловному уложенію. Когда то во время Великой Французской Революції кто то изъ ея дѣятелей кинулъ эти крылатыя пророческія для русскаго рабочаго движенія слова: „Идеи на штыки не удлиняются“. Пусть попробуетъ окровавленный Ценою царизмъ стереть память о 9-мъ Января. Пусть попытается уничтожить соціальдемократическое воззрѣніе россійскихъ рабочихъ, которое вело, ведетъ и будетъ вести «акій годъ десятки тысячъ народа на Преображенское кладбище. Царизмъ можетъ разрушить ту или иную организацію, арестовать тотъ или иной подпольный комитетъ, закрыть десятокъ, другой професіональныхъ спозовъ, клубовъ, просвѣтительныхъ обществъ, но онъ никогда ни на іоту не измѣнить сознанія пролетаріата, произведшаго 9-го Января оцѣнку классовой физіономіи Романовской монархіи. Пусть попытается царизмъ или „оппозиція Его Величества“, грезящая о мирномъ врѣстаніи въ конституцію, организовать послѣ 9-го Января рабочій классъ помимо соціальдемократіи, противъ соціальдемократіи, создать новую зубатовщину, гапоновщину, ушаковщину, вызвать къ жизни желтые христіанскіе или либеральные ссызы въ Россіи. Пусть попробуетъ кадетскій либерализмъ отвоевать рабочія массы у соціальдемократіи во имя „народной свободы“ противъ соціализма и революціи, и онъ неизбѣжно долженъ булетъ подойти къ пролетаріату въ маскѣ „ликвидаторства“, кусковщины „независимаго“ рабочелюбія и „открытой рабочей партіи“. Онъ не посмѣтъ съ поднітами забаромъ выступить передъ классомъ, купившимъ свое революціонно-соціалистическое сознаніе такою страшною цѣною, какъ разстрѣлъ 9-го Января.

Девять лѣтъ тому назадъ революція вышла изъ подполья на улицу, изъ кабинетной идеи превратилась въ массовую практику.

Она демократизировалась.

Она одѣта была уже не только въ студенческія тужурки и сюртуки, она покрыта была рубищами рабочей и крестьянской бѣдности и шла не только съ аргументами изъ политической экономіи, но и съ топоромъ, съ вилами, съ браунингомъ, жгла усадьбы, выгоняла изъ насажденныхъ мѣстъ паразитовъ дворянъ дѣйствовала не логикой словъ, а логикой силы, вводила восмичасовой рабочій день, останавливалась поѣзда, объяяла стачки.

Это была не революція словесная которой либералы еще недавно пугали власть, а подлинная, живая, существующая въ кровавой плоти, съ военными восстаніями, съ разгромомъ помѣстій, съ суровымъ закономъ — око за око, зубъ за зубъ. Что же удивительного, если она потеряла сразу цѣнность въ глазахъ либераловъ, завопившихъ о „пугачевщинѣ“, угрожающей культурѣ. Отъ нея немедленно отшатнулись и улизнули въ подворотню размагниченные барчуки, приходивши въ ней еще недавно съ аршинами умѣренности и аккуратности. Посыпались непрошеные совѣты, жалобная причитанія о томъ, что масса

„зарвась“, отпугнула отъ себя благожелательно настроенные буржуазные классы. Но куда было идти молодой рабочей демократии, сермяжному озлобленному революционеру, окруженному улюлюканiemъ и травлей? Съ Девятаго Января рево юціа сдѣлала огромное завоеваніе, она сплотила вокругъ себя социальные низы, оперлась на подлинную новую демократію и чѣмъ рѣшительнѣе она врѣзывалась въ разгоравшуюся битву, чѣмъ энергичнѣе напирала на власть, на дворянское землевладѣніе, на капиталъ тѣмъ быстрѣе росла и увеличивалась ея о-уренна дымомъ и огнемъ армія, тѣмъ сильнѣе рѣпли симпатіи въ низахъ къ ней.

Вотъ почему съ Девятымъ Января у русскаго пролетариата, пережившаго не одну кровавую баню, связано столько жгучихъ воспоминаний. Не забудется, пока живъ многомилліонный рабочій классъ, ни одна капля пролитой крови, ни одинъ вздохъ по невинно-загубленнымъ, ни одна жалоба — все зачтется въ день близкой расплаты. Пройдутъ годы, смѣняются политические режимы, истлѣютъ кости тѣхъ, кто былъ виновникомъ безчеловѣчного преступленія, но къ насыпямъ, подъ которыми спать „кровью спаянные братья“, будетъ свершаться ежегодно паломничество, и миллионы трудового народа чуткимъ ухомъ услышать неумолчный говоръ братскихъ могиль: „Кровь наша на немъ и на дѣтяхъ его!“

Да здравствуетъ Революція!

Долой Самодержавіе!

Да здравствуетъ Республика!

Да здравствуетъ Соціализмъ!

Отъ Кишинева до дѣла Бейлиса.

Дѣло Бейлиса является несомнѣнно однимъ изъ самыхъ крупныхъ судебныхъ процессовъ, когда либо привлекавшихъ къ себѣ общественное вниманіе въ России и заграницей, и не только по размѣрамъ чудовищности питааемаго церкою и царизмомъ варварства, но и по той особенной политической обстановкѣ, въ которой зарвавшемуся министерству юстиціи пришло въ голову поставить его на очередь дня. Обнаглѣвшая реакція не могла сдѣлать ничего лучшаго, какъ кинуть въ накаленную недовольствомъ атмосферу этотъ ритуальный процессъ съ изступленными монахами Неофитами, съ черносотенными лидерами въ роли обвинителей, съ экспертизой католического іезуита, вызывать широкое общественное возбужденіе, какого давно уже не вызывалъ ни одинъ большой политический проце съ.

Расчетъ контроль-революціи былъ ясенъ и простъ: у подножья новой революціонной волны, проявляющейся въ стачкахъ, военныхъ движеніяхъ, въ растущемъ недовольствѣ широкихъ крестьянскихъ массъ, царизмъ задумалъ поставить въ видѣ барьера кровавую угрозу погрома семимилліонному еврейскому населенію, той наиболѣе угнетенной въ Россіи націи, которая издавна рассматривалась царизмомъ какъ вѣчно „бунтующій“, недокольный элементъ. Создавъ лживую сказку объ „цидикахъ“, потребляющихъ христіанскую кровь, черносотеннымъ демагогамъ важно было направить по желательному погромному руслу слѣпое раздраженіе и стихійную энергию темныхъ слоевъ народной массы, которые были уже однажды использованы ими въ октябрьскіе дни. Это была старая испытанныя тактика царизма, уже разъ примѣненная къ аналогичной общественной обстановкѣ наканунѣ первого революціонного взрыва покойнымъ Плеве въ Кишиневѣ въ 1903 г. Это была та самая тактика, сущность которой когда то нынѣшний редакторъ „Кievлянина“ Шульгинъ выразилъ откровенно съ думской трибуны словами, что

, всякая новая революция въ Россіи пойдетъ по трупамъ евреевъ“ и которую нынѣ лишь перефразировалъ небезызвѣстный вождь правой Хвостовъ, цинично заявивъ, что осужденіе Бейлиса нужно было идеинмъ здохновителемъ погромщиковъ, какъ гарантія противъ новой революціи.

Но и на этотъ разъ шахматная игра россійского абсолютизма такъ же, какъ и въ 1903 г., сорвалась. И такъ же, какъ и послѣ Кишинева заставившаго содрогнуться даже буржуазную Европу, русскій царизмъ въ дѣлѣ Бейлиса со своими вѣдьмами, колдовствомъ, „чирьями на сѣдалищахъ“ и „струпьями“ остался въ почтенной компании Замысловскаго, Амвросія и Вѣры Чеберякъ, представлявшихъ съ одной стороны интересы все тѣхъ же ста тридцати тысячи дворянъ, съ другой стороны идеологію того уголовнаго міра, на который могутъ опереться лишь духовно обанкротившиеся, полуистлѣвшіе классы. И подобно тому, какъ послѣ Кишинева, ужасъ передъ злодѣяніемъ Плeve и барона Левенданля объединилъ самые разношерстные политическіе слои противъ царизма, также и дѣло Бейлиса суждено было стать очереднымъ этапомъ, отмѣтившимъ крахъ заключенного контрѣ революціонными группами союза, и если раньше вокругъ висѣлицы, локата, преслѣдованія рабочихъ организаций во имя лозунга: «смерть революціи!» сплотились противъ революціонной демократіи самыя разнородныя общественные группы, начиная отъ Замыловскаго до Струве и Мілюкова включительно и если имя Столыпина и «столыпиновщины» стало символомъ націоналистического разгула, объединившаго и кадетскаго автора «Великой Россіи» и бессарабскаго депутата В. Пуришкевича, то дѣло маленькаго, вчера никому неизвѣстнаго приказчика съ завода Зайцева закончило процессъ давно уже намѣтившаго развала по-революціоннаго союза, развала, вызваннаго снизу давленіемъ оживающей революціи и сверху все усиливающимся темпомъ наступленія совѣта объединеннаго дворянства. Въ этомъ смыслѣ, въ смыслѣ распада реакціи, дѣло Бейлиса имѣть такое же значеніе, какое имѣлъ въ свое время нашумѣвшій процессъ Дрейфуса, показавшій лишній разъ въ большомъ міровомъ масштабѣ, что всякая юстиція есть орудіе классовой мести и поставившій во Франціи крестъ надъ буланжизмомъ и націоналистической трапезой. Несомнѣнно, что и дѣло Дрейфуса разыгралось на почвѣ откола отъ зарвавшагося воинствующаго націонализма, инертно плетущихся въ его хвостѣ общественныхъ слоевъ, на почвѣ защиты самыхъ элементарныхъ человѣческихъ правъ, попираемыхъ клерикально-націоналистической реакцией.

Это, конечно, не значитъ, что завтра вчерашніе союзники, запуганные новымъ революціоннымъ кризисомъ, не подадутъ другъ другу руки, но сегодня было бы безразсудствомъ не использовать и не учесть создавшагося для царизма невыгоднаго положенія, было бы политической ошибкой не кинуть въ массы лозунга республики, какъ очередного лозунга дня, который можетъ быть поддержанъ демократіей и встрѣтильбы нынѣ менѣе сопротивленія со стороны тѣхъ, кто отмежевался въ кievскомъ процессѣ отъ царизма.

Никакой другой судебній процессъ не могъ такъ взбудоражить либеральную буржуазію, не могъ сыграть такой политической роли, какъ дѣло Бейлиса, не потому, чтобы тамъ не было наличности волюнтариста, беззастѣнчиваго произвола, не было безпримѣрного глумленія надъ «цивилизацией» и «общественной совѣстю», не было кровавыхъ тайнъ застѣнка, пытокъ, невинно осужденныхъ, фальсификаціи „обвинительного матеріала“, покупки свидѣтелей, провокаций. Все это вы найдете во всѣхъ политическихъ процессахъ, о которыхъ обычно молчали нынѣ заволновавшіеся въ приливѣ гражданскаго чувства долга либеральные газеты, подготовившія своимъ попустительствомъ и чисто рабьей покорностью въ годы 1907—11 самую возможность суда надъ Бейлисомъ. Все это стало въ годы взбѣшившейся контрѣ-революціи обычными приемами россійского суда, обѣ этомъ кричить многоголосымъ стономъ рус-

ская политическая каторга. Но въ томъ то и отличіе этого процесса отъ другихъ, что въ Кіевѣ, сшитая красными нитками ложь о крови, о „мацѣ“ пала на голову цѣлой, наиболѣе угнетенной націи, тогда какъ русскіе военные суды въ теченіи семи лѣтъ затягивали петли, слали въ Акатуй, Алгачи, Кутомару представителей наиболѣе угнетеннаго класса.

Въ условіяхъ прошедшаго размежеванія классовъ и выросшей за время революціи партійной группировкіи цѣлый рядъ потрясающихъ политическихъ процессовъ протекалъ при полной атіи россійской буржуазіи. Ни судъ надъ совѣтскимъ рабочимъ депутатомъ, ни арестъ с.-д. ой фракціи 2-ой Г. Думы не повлекли за собой серьезныхъ противостояній въ „оппозиціонныхъ“ кругахъ противъ „навѣта“, изобрѣтенного охранными Чеберячками-Шорниковыми, не сдѣлялись центромъ такъ называемаго „общественаго“ вниманія.

Правда, въ до-революціонное время былые процессы въ неорганизованной, политически распыленной средѣ порой являлись фокусомъ, гдѣ преломлялось общественное возбужденіе, но въ пореволюціонный періодъ такимъ центромъ вниманія могъ быть лишь процессъ, представлявший въ извѣстномъ смыслѣ нейтральную почву, на которой стихала и притуплялась борьба между умѣренной оппозиціей и революціонной демократіей. Именно потому, что въ кіевскомъ залѣ суда столкнулись два классовыхъ міровоззрѣнія — на одномъ полюсѣ Азія со швайкой, съ церковно-синодскою язвою, съ Рудзинскимъ, Сингаевскимъ и Виппнеромъ, съ воровской королевой и героиней реакціи Вѣрой Чеберякъ и старцемъ праведной жизни отцомъ Автономомъ, съ легендами, съ чисто азіатскимъ невѣжествомъ, на другомъ полюсѣ — Европа съ ланцетомъ, съ критическимъ рационализмомъ, съ учеными Кадьяномъ, Павловымъ и Бехтеревымъ, со всей буржуазной наукой — именно потому процессъ Бейлиса вышелъ изъ границъ русской территории и сталъ предметомъ усиленныхъ толковъ въ Европѣ.

У самаго порога Европы вновь всплыла темная сила средневѣковыхъ предразсудковъ, идеология временъ костра, пытки, колдовства, поднявшись тяжелой земляной глыбой възвѣрство, исконная русская азіатиціна, угрожающая самымъ основамъ буржуазной цивилизаціи. До тѣхъ поръ, пока официальная Россія выступала въ роли европейскаго жандарма, пока она боролась всѣми варварскими средствами съ революціоннымъ пролетариатомъ, пока она устраивала съ представителемъ еврейской буржуазіи Гинзбургомъ ритуальное жертвоприношеніе на Ленѣ, европейский капиталъ видѣть въ этихъ мѣрахъ лишь проявленіе курса „ успокоенія“, гарантировавшаго устойчивость дивидента. Но когда логически доказавшаяся до кіевскаго обвиненія контър-революція попыталась смиренного инока Неофита выдвинуть въ качествѣ неопровергимаго авторитета для г. Клемансо, когда она попробовала притянуть за волосы къ ритуальнымъ убийствамъ даже главу „кнута германской имперіи“ Вильгельма, здѣсь она неизбѣжно получила отпоръ и осталась одинокой и покинутой своими европейскими друзьями, ибо дѣло Бейлиса подрывало самыя основы буржуазнаго правопорядка. И если царская монархія кіевскимъ дѣломъ добивалась этой черносотенно-погромной изолированности и если она хотѣла открыто опереться на разбойническіе шайки взломщикова, патріотовъ съ „шомкой“, невѣжественное монашество, одичавшее, озѣроѣлое крѣпостничество, однимъ словомъ на вполнѣ окристаллизовавшійся слой русской реаціи, то она действительно побила въ этомъ рѣкордъ; ей несомнѣнно удалось отнести отъ себя въ вопросѣ о ритуальныхъ убийствахъ даже „писателей“ изъ „Кіевлѣнина“. вырыть вокругъ себя такую могилу, какую смогъ лишь выкопать для царизма покойный Плеве.

И самый судебный процессъ пріобрѣлъ оттого огромное политическое значеніе и отразилъ въ себѣ въ неприкрытомъ видѣ весь остовъ классовыхъ отношеній по-революціонному времени. Кто за или противъ Бейлиса — стало такъ же, какъ и въ дѣлѣ Дрейфуса, характернымъ при-

знакомъ, опредѣляющимъ политической символъ вѣры той или другой общественной группы, вопросомъ дѣлнія Россіи на противоположные лагери. Противъ Бейлиса стоялъ прежде всего царизмъ со всей исторической традиціей „кроваваго навѣта“ съ призраками саратовскаго и велижскаго дѣлъ, въ которыхъ россійскіе самодержцы сыграли далеко не второстепенную роль. Для монархіи вопросъ о ритуальныхъ убийствахъ является ничѣмъ инымъ, какъ орудиемъ боевой политики, пресловутымъ азиатскимъ пріемомъ всѣкаю абсолютизма, использующаго національные конфликты въ цѣляхъ ослабленія и дезорганизации страны, охваченной революціоннымъ броженіемъ. Въ Турціи, напримѣръ, наканунѣ революціи эти характерные для восточныхъ государствъ пріемы достигли своего наивысшаго расцвѣта при Абдуль-Гамидѣ, умѣло разжигавшемъ національную вражду между подданными, прорывавшуюся періодически Варооломеевскими рѣзнями армянъ. Они культивировались правительствомъ и у насъ на Кавказѣ, где въ началѣ 1905 г. вылились въ знаменитую армяно-татарскую бойню, они же были пущены въ ходъ незабвенныемъ Плеве при подготовленіи Кишиневскаго погрома. Когда въ 1905 г. у насъ разразилась революціонная гроза и самодержавіе повисло надъ пропастью, откуда взирала на него предостереюща тѣнь Людовика XVI, царизмъ судорожно ухватился за старое знакомое средство, прибегнувъ на этотъ разъ къ организаціи всероссійскаго погрома въ огромномъ общенациональномъ масштабѣ. Тутъ уже не было времени и надобности цитировать Библію и Талмудъ для обоснованія этической стороны рѣзни, отвѣчавшей всему духу ученія синодскаго Христа, тутъ было не до экспертовъ, оправдывающихъ пытки Дамаскаго дѣла, тутъ было не до теоретическихъ диспутовъ и богословскихъ изысканий о числѣ 13, тутъ шла не разсуждающая, слѣпая практика, приносившая въ закланіе тысячи человѣческихъ жизней. Ницій еврейскій ремесленникъ черты осѣдлости чѣсть отвѣтственность не только за то, что 19 вѣковъ тому назадъ еврейскіе книжники типа Пранайтиса и фарисеи вродѣ Замысловскаго распяли легендарного Христа, онъ былъ принесенъ въ искупленіе злодѣяній царизма за Ялу, за Мукденъ, за Цусиму, за всѣ несчастья русскаго народа.

Здѣсь въ чаду погромовъ, въ дыму рѣзни началъ впервые выясниться еще туманный силуэтъ того „національного лица“, которое такъ увлекало переволюціонныхъ либеральчикъ публицистовъ и сыграло роль такого козыря въ рукахъ Столычина. Здѣсь въ азартѣ непосредственнаго, цинично откровенного бояческаго разгула вырисовались всѣ черты того „конституціоннаго“ націонализма 1907-10 годовъ, который всѣми своими корнями вросталъ въ нелавнюю погромную практику 1905-6 гг. Правда, въ условіяхъ стихій политическихъ бурь и сорганизованвшейся контроль-революціи онъ видѣмѣнилъ форму витѣшнюю оболочку, но и одѣвъ рваное тряпье третье-юнійской конституціи, онъ сохранилъ сущность своей политики, расчитанной на сѣяніе вражды, ненависти, натравливанія одной части населенія на другую. Конечно, онъ могъ въ зависимости отъ обстоятельствъ менять маски, лавировать, приспособляться: сегодня, разрывая всѣ гарантіи финляндской конституції, онъ могъ демагогически отстаивать равноправіе евреевъ въ Финляндіи, завтра поддерживая лозунгъ бойкота евреевъ, кинутый въ Польшѣ черносотенной шляхтой, становиться на сторону поляковъ противъ евреевъ; сегодня впиваясь въ горло оскаленной Польши, вырывая въ нея Холмщину онъ плакаль крокодиловыми слезами объ угнетенномъ украинскомъ населеніи, возбуждалъ галичанъ противъ поляковъ, завтра душить на Украинѣ „мазеповщину“, преслѣдуя школу, языкъ, прессу украинскаго народа. Онъ появлялся то въ видѣ юголѣпыхъ проектъ націонализациіи промышленности и торговли, то въ видѣ подновленной теоріи нео-славянофильства, которая еще со времени Каткова и Побѣдоносцева служила идеиной опорой царскаго самовластия.

Противъ Бейлиса встала церковь, какъ подчиненная государству организация, готовая въ политическихъ пѣляхъ канонизировать Ющинского для вящаго посрамленія іудейства. Не важно, конечно, кто сочинилъ и поддерживалъ легенду о ритуалѣ, выкопала ли ее ка олическая церковь во время инквизиціи или отцы Атоніи Волынские въ ХХ вѣкѣ, важна та роль, какую играла въ продолженіе вѣковъ церковь, какъ оплотъ самодовѣща го нѣвѣжества, какъ благопріятная среда, питающая всѣми своими соками религіозныи фанатизмъ и ученія, разசчи анныя на грубые запросы обмороченной толпы. И если царизмъ пользовался религіознымъ фанатизмомъ, какъ орудіемъ политической борьбы то подогревала и пропагандировала его закабаленная синодская церковь. Эта всегдашняя сторона церковной дѣятельности обслуживающей въ Россіи интересы свѣтской власти, пріобрѣла въ годы контръ-революціи огромное значеніе: монастыри, куда стекались тысячи неосвободившихся отъ религіознаго помѣшательства людей, превратились въ трибуны черносотенной агитации, подготовлявшей ту почву, на которой выросли и расцвѣтали и звѣриный антисемитизмъ, и дѣло Бейлиса.

Противъ Бейлиса поднялось, наконецъ, деклассированное выродившееся боярчество—внизу въ лицѣ спаниныхъ «руговой» порукой постителей салона Вѣры Чеберякѣ, для которыхъ кievскій процессъ, какъ и октябрьскій погромъ, открывалъ заманчивыи перспективы безнаказаннаго „мокраго“ дѣла, вверху въ лицѣ салона гр. Игнатьевой, Совѣта объединеннаго дворянства, носящаго въ своемъ обликѣ всѣ типичныи черты духовнаго боярства. Не случайна, конечно, эта связь русской реакціи съ уголовнымъ міромъ, связь, которую выразилъ когда то во дни одесскаго погрома генераль Каульбарсъ безсмертными словами: „Мы всѣ сочувствуемъ погрому“. Этой родственной близостью съ уголовницкой характеризуется всѣ чегносотенная реакція, породившая интенданскую Панаму, Ухачей Огровичеи и рейнботовщину, однимъ словомъ, всѣ тѣ явленія, которыи составляли „душу“ третьеионскаго режима. Что же удивительнго, если все дѣло Бейлиса пр. цю подъ знакомъ естественнаго союза виперонщины съ уголовными подонками, обнаруживъ лишній разъ полное гніеніе и моральный развалъ всего третьеионскаго блока.

Чтобы встать на защиту Бейлиса, не требовалось ни особенного гражданскои мужества, ни чутой соціалистической совѣсти, для этого нужно было обладать извѣстной минимальной долей буржуа-наго здраваго смысла, облекающаго въ современному обществѣ всякое н. силе въ „европейскій“ правовыи формы. На защиту Бейлиса толкалъ такъ называемую оппозицію простой политическій расчетъ, стремящійся морально изолировать реацію, поставить ее за предѣлами „права“ и „культуры“. Учитывала ли лойальнѣя „оппозиція“ послѣдствія изоляціи романовской монархіи — не важно, но разъ царизмъ изолированъ, революція должна усилить натискъ, ибо всякий крахъ царизма есть новая побѣда революціоннаго народа.

Отъ обороны къ наступленію, отъ стачки-демонстраціи къ стачкѣ-взстанію — вотъ та очередная задача которая диктуется намъ политическимъ положеніемъ страны. И не подъ безаубымъ легальнымъ лозунгомъ российскаго либерализма: „Долой кровавый навѣтъ!“ будеть идти дальнѣйшее собирание разбуженныхъ силъ революціи. Не никчемнымъ кадетскимъ требованіемъ реформы щегловитовекаго суда успокоить охваченнюю революціоннѣмъ движеніемъ страну. На кievскій процессъ, на обвиненіе Бейлиса российскій пролетаріатъ отвѣтить борьбою за полный демократический переворотъ къ которому ведеть путь тяжелыхъ, но неизбѣжныхъ жертвъ, путь всенароднаго возстанія.

Темное царство.

Безъ малаго десять лѣтъ прошло со времени московскаго возстанія, а порой все еще кажется, что живемъ мы наканунѣ его.

Медленными шагами плется старушка-русская жизнь. Какъ заѣзженная кляча, уныло тащится черезъ широкое поле страданій народныхъ. И надъ полемъ мракъ, и надъ полемъ мгла, словно не видно разсвѣта вдали.

Торжествуетъ еще очагъ зла — самодержавіе. Кровожаднымъ, отвратительнымъ спротомъ впиваются оно въ истерзанное тѣло русской жизни. Какъ ненасытный палачъ, жадно казнить свободу и свѣтъ на Руси. Воздвигаются висѣлицы, растутъ тюрьмы, произволъ и насилие, какъ было тогда, въ тѣ дни, наканунѣ.

Не истѣли еще и ржавые столбы, поддерживающіе гнилой самодержавно-бюрократической режимъ на Руси. Живы еще феодалы-помѣщики.

Какъ будто все постарому.

Но сквозь мракъ и нависшую мглу все чаще и чаще сверкаютъ зарницы народного гнѣва и громче звучитъ властный голосъ пролетаріата. Онъ говоритъ о желанномъ разсвѣтѣ.

Растуть и крѣпнутъ силы революціи, несмотря ни на что, или по посланію: „Чѣмъ глубже ночь, тѣмъ ярче звѣзды“. Растеть и крѣпнетъ рабочее самосознаніе, а съ нимъ имѣстѣ — и рабочія организаціи. Забастовки послѣдняго времени ясно свидѣтельствуютъ обѣ этомъ.

И можетъ быть, не далекъ тотъ моментъ, когда послѣдній и рѣшительный напѣскъ пролетаріата смететь позорное иго самодержавія.

Но твердо памята о неизбѣжности рѣшительного момента, мы не должны забывать, товарищи, что пролетаріатъ станетъ у власти лишь опираясь на братскую руку неимущаго крестьянства.

Работу же въ деревнѣ за послѣднее время мы совершенно забросили.

Гдѣ причины такого равнодушія къ деревнѣ? Въ общей ли разрухѣ нашихъ организацій въ послѣднее время или же въ quasi-буржуазной реформѣ 9-го ноября?

Первая причина вполнѣ понятна и заслуживаетъ оправданія. Занятые возстановленіемъ разсѣянныхъ тяжелымъ безвременемъ рабочихъ организацій, мы часто не имѣли физической возможности возстановить одновременно и связь съ деревней для систематической революціонной работы.

Вторая же причина (если она есть) исключается, какъ таковая, даже самыемъ бѣглымъ взсмотрѣніемъ результатовъ дѣйствія закона 9 ноября.

Положеніе русской деревни говоритъ намъ краснорѣчиво:

Нѣть старой подгнившей общины, но нѣть и крѣпкаго хуторского хозяйства.

То есть, нѣть того тормоза, который смогъ бы надолго успокоить голодную, разоренную деревню, на многіе годы похоронить крестьянское движение.

Всѣ мѣры и полумѣры правительства за 6 лѣтъ дѣйствія закона не дали ничего кромѣ усиленія пауперизаціи большинства — съ одной стороны и капитализаціи меньшинства — съ другой.

Укрѣпили свои хозяйства многоземельные и деревенскіе богатѣи и разорились окончателѣ малоземельные.

Средний же типъ крестьянскаго хозяйства остался влечь свое незавидное существованіе съ вѣчными недостаткомъ необходимаго инвентаря, скота и съ новой кабалой, созданной выходами на хутора.

Часть же крестьянъ и выдѣляется лишь съ единственной цѣлью осво-

бодиться совсѣмъ отъ земли, отъ того ничтожного надѣла въ двѣ—три десятины, который съ давнихъ поръ не въ состояніи кормить крестьянскую семью.

Есть не мало и такихъ, которые купивъ небольшой участокъ земли черезъ крестьянскій банкъ, не въ силахъ доходами съ него платить ежегодные проценты и погашенія. Они сдають купленную землю въ аренду за самую ничтожную плату.

Недостатокъ орудий, рабочаго скота и даже необходимыхъ построекъ исключаетъ всякую возможность вести хозяйство.

Словомъ, ярkie обманчивые цвѣты новой крестьянской реформы дали слишкомъ горкіе плоды. И лишь еще разъ стало ясно, въ какія хитрыя сѣти ловить дворянско-царское правительство народное самосознаніе. Еще разъ стало ясно, какъ благодѣтельствуютъ темнаго мужика.

Съ каждымъ годомъ растетъ процентъ отходящихъ изъ деревни на промыслы и фабрики.

Истощенная плохой обработкой земля скудно родить хлѣбъ бѣдняку крестьянину. И нѣтъ возможности обніщалой, разоренной деревни бороться съ перемежающимися голодовками и ужаснымъ, какъ грозное чудовище, неурожаемъ.

Тяжелую картину даль голода 1911—1912 годовъ. Мы видѣли, какъ рушилоъ крестьянское хозяйство. За 5 и даже 3 рубля продавали по-сѣльски кормилицу—корову. Сами пухли съ голода, болѣли и умирали отъ голоднаго тифа и гнили живыми отъ цынги.

Были случаи продажи родныхъ дочерей въ очаги разврата.

Несмотря на „благодѣтельствующіе“ деревню законы: 9-го ноября и 14 юля, все чаще и чаще съ унылыхъ полей деревни вѣтъ тоской запустѣнія.

А темнота и безправіе крестьянина заставляютъ его попрежнему дрожать и гнуть спину передъ начальствомъ и помѣщикомъ и молча сносить свою тяжелую долю „тягловой сѣрой скотинки“, какъ называютъ его обиравы — правители.

Какъ тяжелыя свинцовыя тучи, нависъ мракъ надъ деревней. Словно всѣ пути ей заканы, и нѣтъ у нея дорогъ къ свѣту и самосознанію.

Тамъ еще темное царство.

Грамотныхъ въ деревнѣ такъ мало, что большею частію захолустныя деревни живутъ, какъ въ потьмахъ, не зная о той жизни, что проходитъ за предѣлами ихъ владѣній. Да, если и есть кому почитать случайно попавшую въ деревню газетку, то нѣтъ возможности разобраться во всемъ томъ, что происходит на широкомъ полѣ общественной жизни.

Нерѣдко въ дни свободы, въ тѣ дни, когда рабочие—кость отъ кости деревни, своею кровью поливали землю за общее народное дѣло, крестьяне убивали попавшихъ къ нимъ пропагандистовъ.

Живъ еще и понынѣ духъ темноты крестьянской. Еще крѣпко стоять стражи и сѣ тели ея—помѣщики и духовенство.

Но намъ пора, товарищи, бросить яркій лучъ свѣта въ деревню, въ ея темное царство.

Наша задача, товарищи, во время притти на помошь къ нашей младшѣй сессрѣ.

Будемъ же торопиться завязать связи съ деревней черезъ недавно вышедшихъ изъ нея. Будемъ ставить тамъ свои организаціи для систематической революціонной работы.

Да будетъ славное рабочее знамя надежнымъ "маякомъ для заблудившейся въ сумеркахъ деревни.

Вспомнимъ дни революції, ту необузданную силу крестьянскихъ восстаний, что безпощадно, какъ стихія крушила все на путяхъ, съяла грозный пожаръ и разгромы помѣщичьихъ хозяйствъ. Окинемъ, хотя бы бѣглымъ взглядомъ картины и сейчасъ кое-гдѣ вспыхивающихъ искръ и

костровъ недовольства и возмущенія неимущихъ въ деревнѣ и скажемъ разъ навсегда:

Мы обузданы стихійную силу свѣтлымъ сознаніемъ!

Пусть разсѣется царство ирака, и сознательная крестьянская бѣднота вступить увѣренной ногою на революціонную дорогу пролетаріата! Ибо ея путь только съ нами, черезъ учредительное собрание къ Демократической Республики, которая лишь одна сможетъ вывести русскую деревню изъ тупика нищеты и безправія, въ который таинъ щательно загоняетъ ее дворянское правительство.

Не будемъ забывать также, товарищи, что на страницахъ исторіи Великой Французской Революціи была контрь-революціонная феодальная Вандея.

Пусть на страницахъ нашей исторіи не будетъ второй Вандея!

Русская деревня — это спящій великанъ. Постіпшіи же во время разбудить его!

Ольга Лѣвая.

Агитациія въ армії и военныя организаціи.

Громадный ростъ рабочаго движенія за послѣднія десятилѣтія — завоеванія пролетаріата въ области парламентской борьбы съ одной стороны, политическая и экономическая стачки, принимающая до сихъ поръ небывалые размѣры и нерѣдко носящія грозно-революціонный характеръ — съ другой, — показываютъ, что капиталистическому строю грозить серьезная опасность отъ зарождающагося въ нѣдрахъ его новаго — соціалистического — строя, что буржуазіи вскорѣ придется вступить въ ожесточенный и, можетъ быть, кровавая битвы со своимъ неотразимымъ врагомъ — пролетаріатомъ, — послѣднія битвы передъ паденiemъ буржуазного міра...

Что буржуазія видѣтъ наливашуюся опасность, что она, вопреки желаніямъ и чаяніямъ соціалистовъ-реформистовъ, безъ кровавыхъ столкновеній съ буржуазіей надѣюющихся добиться соціалистического строя — не собирается безъ боя уступить своихъ позиций, — показываютъ тѣ мѣры, которыя она, невѣдомо для рабочаго класса, принимаетъ противъ „внутренняго врага“. Ибо всѣ тѣ миллионы солдатъ, всѣ тѣ 12-ти и 14-ти дюймовыя пушки, пулеметы и скорострѣльныя винтовки, которыя находятся въ распоряженіи современныхъ великихъ и малыхъ державъ, — все это предназначено не только для колоніальныхъ грабежей и охраны интересовъ капиталистовъ „отъ чужеземного нашествія“: въ главныхъ штабахъ какъ республиканского Парижа, такъ и монархического Берлина и др. столицъ имѣются подробные и со знаниемъ дѣла разработанные планы мобилизаций на случай восстанія рабочаго класса... И, конечно, буржуазія имѣть основаніе бояться вспышка. Съ одной стороны — экономическое развитіе современныхъ культурныхъ странъ достигло весьма высокой ступени, — ступени, на которой является уже возможнымъ обобществленіе средствъ производства; съ другой стороны — соціальные конфликты послѣдніхъ лѣтъ носятъ такой характеръ, что возможны вспышки пролетарскихъ восстаній, цѣлью которыхъ будетъ захватъ средствъ и орудий производства.

Главной опорой капиталистического строя является вооруженная сила — армія. Ее то и нужно „завоевать“ рабочему классу, чтобы съ наибольшимъ успѣхомъ и съ наименьшимъ количествомъ жертвъ добиться нового общественного строя, ибо если бы даже соціальная революція назрѣла идеино и экономически, то все же еще необходимо подготовить ее технически. А технически легче будетъ провести ее при помощи организованной вооруженной силы. Нечего надѣяться только

на то, что современемъ, при всеобщей воинской повинности или даже народной милиции, все большія и большія рабочія массы будутъ въ состояніи умѣло владѣть оружиемъ и въ самый моментъ революціи составлять тѣ кадры, которые вполнѣ успѣшно будутъ бороться съ полками господствующаго класса: отсутствие заранѣе приготовленной планомъбрнной организациіи и умѣлаго руководства — при современномъ развитіи военной техники—легко могутъ доставить арміи буржуазіи побѣду надъ боевыми рабочими кадрами.

Не будемъ здѣсь останавливаться на вопросахъ, связанныхъ съ предстоящей соціалистической революціей и возможной ролью арміи въ ней: къ этимъ вопросамъ соціалистамъ всѣхъ странъ придется еще возвращаться. Переидемъ къ нашимъ, российскимъ, условіямъ и къ той роли, какую играла и играетъ армія въ нашей революції.

Въ данный моментъ революционизированіе арміи для настѣ, российскихъ соціалистовъ, играетъ еще большую роль, чѣмъ для нашихъ западноевропейскихъ товарищѣй. Тамъ, въ Западной Европѣ, уже почти повсюду завоеванъ болѣе или менѣе демократический государственный строй, значительно облегчающій борьбу за соціализмъ, тогда какъ намъ приходится еще только бороться за демократическое государственное устройство. И что въ дальнѣйшемъ ходѣ революціи, въ дальнѣйшей борьбѣ революціонныхъ массъ съ самодержавіемъ арміи придется играть не послѣднюю роль, въ этомъ не можетъ быть никакихъ сомнѣній. Поэтому нужно озабочиться, чтобы малосознательныія солдатскія массы — сильнѣйшая опора самодержавія — превратились изъ слѣпыхъ защитниковъ старого режима въ сознательныхъ «раговъ» его. Что это возможно, доказываютъ события предыдущихъ лѣтъ, когда революціонные гарнизоны Свеаборга, Кронштадта, Севастополя и др. городовъ заставляли дрожать царя и его банду; да и не прекращающееся броженіе въ арміи и во флотѣ въ теченіе вѣкъ послѣднихъ лѣтъ явно говорятъ за то, что живъ еще революціонный духъ въ солдатскихъ массахъ...

Российская соціальдемократія до сихъ обращала не особенно много вниманія на агитацию въ войскахъ и созданіе военныхъ организаций. Правда, незадолго до 1905 г. и въ періодъ революціонного подъема велась довольно усердная пропаганда въ войскахъ, и въ нѣкоторыхъ военныхъ возстаніяхъ, напр., въ Свеаборгѣ соціальдемократы играли руководящую роль. И Лондонскій съездъ призналъ необходимымъ усилить агитационную и организаціонную дѣятельность въ арміи, издавать постованій солдатскій органъ и соціальдемократическую агитационную литературу для солдатъ и матросовъ. Но, къ сожалѣнію, эти постановленія не были проведены въ жизнь, и слѣдующему партійному съезду придется еще на нихъ остановиться.

Въ годы реакціи почти совершенно прекратились связи партіи съ арміей. И даже въ послѣдніе годы, годы революціонного подъема рабочаго движенія и оживленія дѣятельности партійныхъ организаций, рѣдко гдѣ возобновляются связи съ солдатами, не говоря ужъ о правильной пропагандѣ и созданіи правильныхъ организаций. Въ этомъ отношеніи и ликвидаторы, и правые бѣ-ки сдѣлали одинаково „много“, т. е. ничего. Какъ тѣ, такъ и другіе на своихъ „конференціяхъ“ говорили и говорятъ о борьбѣ за демократическую республикu, а какимъ образомъ революціонныи массы русского народа добиваются этой республики, добываются этой республики безъ содѣстія хотя бы одной части арміи, этого, навѣрно, не смогутъ сказать ни ликвидаторы ни „ленинцы“. Вѣдь не „петиціонными кампаніями“ же или устройствомъ расколовъ въ различныхъ партійныхъ группахъ завоевываютъ демократическая республики...

Той работы, которую въ послѣдніе годы вели въ войскахъ лѣвые большевики и нѣкоторыи партійныи организаціи, напр., Севастопольская, организація, въ силу, такъ сказать, установившейся традиціи не прекращавшія дѣятельности въ арміи,—этой работы слишкомъ недостаточно

въ сравнениі съ громадной областю, требующей прнмѣненія соціальдемократическихъ силъ. За работу въ арміи должны взяться всѣ партійные организаціи. Только тогда соціальдемократія вовлечеть въ сферу своего вліянія солдатскія массы, по духу своему всегда бывшія воспріимчивыми къ революціонной и соціалистической пропагандѣ, да иначе и быть не можетъ: вѣдь армія въ массѣ своей составлена изъ рабочихъ же да обездоленныхъ крестьянъ.

Какъ должна вестись наша работа въ арміи? Въ этомъ отношеніи намъ во многомъ нужно брать примѣръ съ нашихъ западно-европейскихъ товарищѣ. Тамъ давно уже существуютъ „юношескія организаціи“, съ 1906 года объединенные въ международный союзъ. Цѣль этихъ организацій, между прочимъ, воспитаніе юношества въ духѣ соціализма и анти милитаристской агитаціи. Во всѣхъ западно-европейскихъ государствахъ существуютъ эти юношескія организаціи, съ большімъ или менѣшимъ успѣхомъ ведущія анти милитаристскую агитацию, издающія соотвѣтствующую литературу и распространяющія ее среди новобранцевъ и солдатъ. Бывшіе члены юношескихъ организацій, попавши на службу, конечно, не прекращаютъ сношеній со старой организаціей и продолжаютъ свое дѣло — анти милитаристскую агитацию — среди новыхъ товарищѣ-солдатъ, хотя и въ Западной Европѣ такая агитация воспрещена закономъ и строго наказывается. Что дѣятельность соціалистовъ въ области военной пропаганды дала хорошие результаты, доказали извѣстныя большія стачки въ Швеціи, Бельгіи, Франціи, где нѣкоторыя части солдатъ не разъ выражали свои симпатіи забастовщикамъ. Да и совсѣмъ недавно еще въ цѣломъ рядѣ французскихъ гарнизоновъ (въ Бельфорѣ, Парижѣ, Бордо и др.) шли массовые протесты солдатъ противъ введенія трехгодичнаго срока службы вмѣсто существовавшаго двухлѣтняго, — протести, нерѣдко сопровождавшіеся пѣніемъ „Интернаціонала“ и доказавшіе, что французскій солдатъ не слѣпое орудіе въ рукахъ начальства, а человѣкъ, живущій сознательной жизнью гражданина свободной страны.

Слѣдуетъ примѣру нашихъ западно-европейскихъ товарищѣ, и намъ нужно прежде всего развить дѣятельную агитацию среди юношь, въ ближайшіе годы подлежащихъ призыва на военную службу; намъ нужно создать свои юношескія организаціи какъ въ городѣ, такъ и въ деревнѣ, и повести въ нихъ усиленную анти милитаристскую агитацию въ духѣ соціальдемократіи.

Конечно, только этимъ наша дѣятельность не можетъ ограничиться. Намъ нужно перенести нашу соціальдемократическую агитацию въ ряды самой арміи и для этого прежде всего создать соотвѣтствующую литературу. Жалкое материальное положеніе русскаго солдата ужъ само собой рождаетъ недовольство въ солдатскихъ массахъ. Мы это недовольство должны использовать, указывая на связь незавиднаго экономического положенія солдата съ общимъ положеніемъ дѣлъ въ странѣ, на воровство начальства, интенданцкіе процессы и т. д.

Намъ нужно возобновить наши *военные организаціи*.

Каковы же должны быть тѣ организаціонныя формы, въ которыхъ могутъ вмѣститься массы революціонныхъ солдатъ? Принимая во вниманіе тѣ особыя условія, въ какихъ живетъ солдатъ, намъ придется сказать, что формы солдатскихъ организацій не всегда будутъ соотвѣтствовать формамъ пролетарскихъ организацій. Возобновляя дѣятельность въ арміи, намъ нужно особое вниманіе обратить на развитіе самодѣятельности солдатъ, возбудить въ нихъ стремление къ самоорганизаціи. Въ самой казармѣ должны создаваться соціальдемократические коллективы, которые имѣли бы непосредственное вліяніе на солдатскіе массы, которые могли бы вести организаціонную и агитационную работу и въ такихъ случаяхъ, когда на время прерваны связи съ пролетарской органи-

заций; эти же коллективы согласовали бы выступление армии съ дѣйствіями рабочихъ организаций и во время общаго массового движения.

Чтобы успешно вести военную работу, нѣтъ надобности основывать при общегородскихъ комитетахъ специальную громоздкія „военная организаціи“ изъ интеллигентовъ и рабочихъ, какія въ 1906—7 гг. существовали почти при всѣхъ болѣе или менѣе значительныхъ соціальномъ организаціяхъ, — автономная военная организація со своими финансами и литературными комиссіями, пропагандистскими и пр. коллегіями, при чѣмъ между ними и пролетарскими организаціями нерѣдко проходили крупныя тренія... Пусть всѣ дѣятели пролетарской организаціи, способные вести работу въ войскахъ, составятъ особую „военную коллегію“. Члены этой коллегіи распредѣлять между собою отдѣльныя части мѣстнаго гарнизона, соединяя обязанности организатора, агитатора и пропагандиста въ одномъ лицѣ: опытъ прежнихъ лѣтъ показалъ, что въ военной работѣ обязанности организатора и агитатора трудно отдѣлить другъ отъ друга. Военная коллегія должна стоять въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ мѣстной руководящей пролетарской коллегіей (городскимъ комитетомъ), въ кассу которой должны вноситься и солдатскіе членескіе взносы (гдѣ таковыя возможны). На обязанности мѣстнаго руководящаго пролетарского центра должно лежать издание солдатскаго органа и пр. литературы, причемъ въ качествѣ сотрудниковъ должны быть привлечены члены военной коллегіи и — по возможности — солдаты. Чтобы легче и вѣрнѣе установить связи съ казармой, мѣстная рабочая организація должны пригласить своихъ членовъ указать на тѣхъ своихъ знакомыхъ и родныхъ, которые находятся на военной службѣ, а также войти въ сношенія съ организаціями тѣхъ городовъ и областей, гдѣ главнымъ образомъ набранъ мѣстный гарнизонъ. Такимъ образомъ пріобрѣтутся непосредственные связи съ бывшими членами партии, попавшими въ солдаты.

Наши военные организаціи должны войти въ тѣсныя отношенія съ военными организаціями другихъ партій (гдѣ таковыя существуютъ). Это поможетъ намъ впредь избавить революціонныя солдатскія массы отъ тѣхъ кровавыхъ жертвъ, что сознательная часть арміи такъ самотверженно, но такъ безуспѣшно несла въ бывшихъ восстаніяхъ.

Намъ нужно потратить много силъ для того, чтобы завоевать армію. Ибо россійская революція можетъ побѣдить только съ восстаніемъ революціонной арміи, пролетариата и обездоленного крестьянства.

М. — ръ.

Въ Бутырской каторгѣ.

(Изъ письма).

Чтобы написать что нибудь цѣльное необходимо, по моему, выбраться изъ тюремнаго гнета, который еще давить меня. Сейчасъ же я могу только дать нѣсколько фактовъ иллюстрирующихъ мое положеніе на каторгѣ, а вмѣстѣ съ моимъ и положеніе товарищей политическихъ каторжанъ.

Все то, что я могу сообщить сейчасъ будуть отдѣльные эпизоды нашей жизни, отдѣльные моменты.

Начну съ того, какъ я привыкалъ къ каторгѣ, какое первое впечатлѣніе было у меня отъ каторги.

Привели меня въ общую камеру. Было подъ вечеръ. На коридорѣ обыскали и впустили...

Сейчасъ же товарищи обступили и начались распросы... Тутъ же выяснилось, что меня уже знали и ждали. Каторга умѣетъ узнавать о своихъ будущихъ членахъ семьи...

Режимъ былъ суровъ — это я почувствовалъ въ первый же вечеръ при провѣркѣ.

Въ камерѣ были и уголовные и политические.

На поѣврку надо было становиться по 2 чел. въ рядъ по солдатски.

У меня какъ у новичка не было пары и я всталъ одинъ съ праваго фланга, какъ указали товарищи. Раздалась команда: „Смирно!“ и въ камеру „вощла повѣрка“ (т. е. дежурный помощникъ начальника, старшій надзиратель каторжнаго отдѣленія и цѣлая масса младшихъ надзирателей). При повѣркѣ 4 надзирателя становились въ 2 углахъ (у двери) съ вытянутыми револьверами, направленными на строй каторжанъ. Въ дверяхъ „отдѣленій“ (т. е. надзиратель старшій въ этомъ коридорѣ, а въ каждомъ коридорѣ 4—6 камеръ и 2 надзир.) стоитъ тоже съ вытянутымъ револьверомъ. Судите сами, какое впечатлѣніе должно получиться отъ низа направленныхъ на васъ револьверовъ. Да при этомъ вы сознаете, что достаточно одного неосторожнаго движенія, и изъ этихъ дуль полетитъ въ васъ пули... Я стоялъ справа одинъ. Просчитавъ людей, старшій грубо рванѣлъ меня съ мѣста и площадной бранью указалъ мнѣ на лѣвый флангъ. На мою попытку протестовать противъ грубости я получилъ въ отвѣтъ: „молчать сводочь!“.

Когда „повѣрка“ ушла я обратился къ товарищамъ съ вопросомъ протестуетъ ли каторга противъ такой грубости. Въ отвѣтъ получилъ приблизительно сдѣлавшее (по крайней мѣрѣ смыслъ былъ этотъ): „Въ тюрьмѣ революціи не сдѣлаешь. Воля молчить. Намъ приходиться подчиняться. Протестуйте въ одиночку. Морально мы за васъ и съ вами, но поддержать не можемъ въ виду явной безполезности“.

Такъ началась каторга. Я увидѣлъ придавленность и потомъ, только спустя 2 — 3 мѣсяца, я понялъ откуда появилась она.

Если изо дня въ день васъ бѣть, ругають, всячески издѣваются надъ вами, то для васъ есть только 2 выхода: молчать или умирать. Московская каторга предпочла до поры до времени молчать. Въ лицѣ своихъ лучшихъ товарищъ она отвѣчала на издѣвательства смертью: припомнимъ Бердягина, покушавшагося на помощника начальника перочиннымъ ножемъ, еще одинъ тов. анархистъ (я забылъ фамилію) тоже перочиннымъ ножемъ и наконецъ Фрума Фрумкина пошла съ револьверомъ. Но вѣдь это смерть. Моя, ваша, того кто покушается. Надо рѣшиться умереть, надо признать терроръ. Много, очень много товарищей погибло, протестуя въ одиночку. То было глухое время реакціи.

Назову кого помню: матросъ Смольяниновъ повѣшеннъ за то, что ударилъ при страшно оскорбительномъ обыскѣ одного надзирателя пустымъ, жестянымъ чайникомъ (вѣсомъ $1\frac{1}{8}$ — $1\frac{1}{4}$ фунта) за издѣвательства. Это тотъ самый Смольянинъ, который заявилъ: я солдатъ, и не вы меня сломите, и который изъ 6 мѣсяцевъ одиночного заключенія болѣе 100 дней провелъ въ карцерѣ. Анархистъ Ватерлоось (кличка Гордый) который въ продолженіи 2-хъ лѣтъ съ лишнимъ только и зналъ, что переходилъ изъ одиночки въ карцеръ, изъ карцера въ больницу, изъ больницы на 1 — 2 дня въ одиночку и опять: карцеръ, больница, на 1 — 2 дня одиночка и наконецъ умеръ отъ чахотки. Матросъ К., которому завѣдующій каторжнымъ отдѣленіемъ Дружининъ сказалъ передъ отправленіемъ его въ Щисельбургъ: „если бы я зналъ, что ты такой упрямый, я бы тебя и пальцемъ не тронулъ“. Это тотъ К., который получилъ болѣе 150 ударовъ розгами, лишился языка на долгое время отъ нервнаго потрясенія и т. д.

И если бы я сталъ припоминать имена погибшихъ товарищей, то надо бы исписать много бумаги.

Почему гибли? Гибли или протестовавшіе въ одиночку или тѣ, что не выдерживали гнета и издѣвательствъ.

Болѣзнь, какъ слѣдствіе плохого питанія, тѣсноты, отсутствія воздуха и движенія доводила до смерти.

Вотъ 2 хорошихъ примѣра: тов. Махвиладзе — с.-р. изъ Московской организаціи. Тюрьма стомила его. На каторгѣ болѣно было смотрѣть на него. Видно было, что человѣкъ неминуемо умретъ, погибнетъ. И не было силь спаси товарища. Сидѣлъ въ карцерѣ, бывалъ наказанъ вмѣстѣ съ другими въ камѣрѣ, т. е. лежалъ на асфальтовомъ полу въ декабрѣ мѣсяца. (Я вмѣстѣ съ нимъ вылежалъ 21 день подрядъ на сыромъ, холодномъ асфальтѣ и при моемъ, прямо желѣзномъ здоровью я почувствовалъ боль въ груди, а его чуть ли не поднимать на ноги приходилось чтобы немного размять окоченѣвшіе члены). Каѣвъ онъ погибъ? Просто: ведутъ его въ контору. На церковномъ дворѣ онъ встрѣчаетъ свою жену каторжанку. Вѣдь человѣкъ онъ, а тутъ идетъ жена которую онъ не видѣлъ нѣсколько лѣтъ. Поздоровался... За это ведутъ въ карцеръ. Черезъ 3 дня изъ карцера въ больницу, а черезъ недѣлю намъ сообщаютъ кратко: Георгій умеръ. Просто все.

Потомъ Ив. Ив. Пипотинъ. С. р. солдатъ, работалъ въ Москвѣ. Okolo двухъ лѣтъ протестовалъ противъ грубости и издѣвательствъ. Наконецъ мы уговорили его отвѣтить: „Здравія желаю“. И вотъ, чтобы избавиться отъ него, чтобы доказать его продѣлываютъ такую штуку: на первый день Пасхи по камерамъ ходитъ начальникъ тюрьмы Кудряковъ. Зашелъ и въ нашу камеру. По доровался и похристосовался. Мы отвѣтили также какъ и всѣ и никакого замѣчанія не получили. (Когда отвѣчаютъ такъ надзирателя смотрѣть на губы — ежели шевелить, значитъ отвѣчаетъ, ежели губы не шевелятся значитъ молчать, ну сейчас же и получить: „А ты что молчишь сволочь“!!). Но на завтра, на 2-й день Пасхи, въ камеру заходитъ завѣдующій атѣржанами Дружининъ и говоритъ, что начальникъ недоволенъ нашей камерой — плохо отвѣчали. И обращаясь къ т. Пипотинузывающе заявляетъ: „Ну эта-то сволочь, конечно не отвѣчала вчера!“ Товарищъ смолчалъ. А разъ молчитъ, значитъ карцеръ. Переодѣли въ лѣтнюю одежду, — хотя былъ холодъ, но конецъ апрѣля и всѣмъ выдавали лѣтнюю одежду, — и посадили въ самый сырой и холодный карцеръ. Тамъ онъ пробылъ 7 сутокъ. Послѣ, черезъ 2-3 недѣли кровь пошла горломъ, и всѣ расчеты были покончены.

За что сажали въ карцерѣ? За все. Мы, цѣлая камера, просидѣли 21 сутки подрядъ на карцерномъ положеніи за слѣдующее: одинъ товарищъ, подметая камеру, уронилъ объявление и поломалъ уголь. Онъ сю же минуту позвалъ надзиратели и самъ, безъ давленія камеры, заявилъ, что сдѣлалъ это онъ. Но существуетъ круговая порука и за дѣло одного отвѣчаетъ вся камера. Всю камеру наказали на 7 сутокъ*). 7 сутокъ истекли. Наступилъ день, когда мы получили

*) Карцерное положеніе состоитъ въ слѣдующемъ: отбираютъ постельную принадлежность, снимаютъ съ коекъ брезентъ, отбираютъ: чай, сахаръ, махорку, полотенце, носовые платки, ремни. Три дня даютъ только хлѣбъ и холоную прокипѣченую воду. Черезъ 3 дня въ 4 даютъ обѣдъ. Оправки не бываетъ, надо пользоваться парашей. Это въ камерѣ расчитанной на 20 человѣкъ, но гдѣ помѣщается 27-8 человѣкъ — это обычна норма. Спать приходится на голомъ, сыромъ и холодномъ асфальтѣ.

постель, вышли на оправку и на прогулку. Всё проголодались и вотъ послѣ обѣда попросили кипятку два чайника, а не одинъ. Этимъ оскорбили надзирателя и черезъ сутки послѣ только что конченаго карцера были посажены еще на 7 сутокъ. Истекли и эти 7 сутокъ. Но мы были уже на виду у начальства и насть необходимо было проучить. И котъ ровно черезъ сутки послѣ второго карцера мы получили еще 7 сутокъ „за шумъ“, какъ официально намъ объявили. Присидѣли всего 21 сутки и болѣе $\frac{1}{2}$ камеры ушли въ больницу, въ результатѣ нескольки тов. политическихъ умерли, ибо застудили грудь, легкія, напримѣръ Ревякинъ, Дворяновъ.

Или: входитъ въ камеру тюремный инспекторъ, губернаторъ Джунковский (теперешній бояръ Николая II) и все наше начальство. Съ ними какой-то японецъ, не то министръ, не то еще что то (помните была полоса, когда иностранные гости посѣщали Россію, но Россія — тюрьма и каждый считалъ своимъ долгомъ посѣтить тюрьму). Японецъ спрашиваетъ: „Здѣсь политические каторжане или уголовные?“. Ему объясняютъ, что это уголовные, а политические находятся въ другихъ камерахъ и въ лучшихъ условіяхъ, что ихъ не призываютъ работать, что они имѣютъ право носить свое бѣлье и т. п.— вѣчную пѣсню для иностранцевъ. Я понимаю по англійски и, услыхавъ это объясненіе, я и еще одинъ товарищъ вышли изъ строя и заявили, что мы политические, и что все политические каторжане находятся среди уголовныхъ и пользуются одинаковыми съ ними правами. Это намъ стоило по 7 сутокъ карцера...

Политические каторжане всегда сидѣли въ перемежку съ уголовными. Никогда не пользовались правами даже тѣми, которыхъ представлены уголовными. Трудно доказать это фактами, но иллюстрировать можно, и выводъ самъ напрашивается. Напр.. уголовный скорѣе попадетъ въ ту мастерскую куда хочетъ, уголовного скорѣе пустятъ вообще въ мастерскую, чѣмъ политического. Часто уголовнымъ прощается то, что не простится политическому. И вообще масса такихъ мелочей, которыя не поддаются точному подсчету. Вообще атмосфера такая, что въ воздухѣ виситъ: „А политикъ, студентъ...“ Все, что ты плохо сдѣляешь, ты сдѣлалъ это не потому, что не съумѣлъ.. а потому что „сту ентъ“ и не хочешь, потому что ты „собака“. Уголовный ошибся по незнанію, а ты по сонготивленію.

Наказывали за все. Окурокъ валяется на полу — 3 сутокъ карцера. Попъ илохо вымыть — карцеръ. Окно не вытерто на сухо — карцеръ. Помощникъ приходитъ и пробуетъ чистоту пола бѣлымъ носовымъ платкомъ, какъ офицеръ лошадь. Зап-чкался платокъ — карцеръ. Закурилъ до утренней повѣрки или послѣ вечерней повѣрки — карцеръ и т. д. до безконечности.

Вотъ тоже примѣръ отнѣшенія къ политическимъ. Входитъ въ камеру О. С. М.. въ ту камеру гдѣ сидѣтъ А. Г. Эти два товарища связаны не только духовно, но кажется и кроно. Ясно что они обидались. Боже! какая дикая сцена была послѣ этого. Слово „жидъ“, „своточъ“, „застрѣлю“ не сходило съ языка надзирателя... Этого по отношению къ уголовнымъ не дѣлали.

Каторга — кошмаръ.. Терпѣли, переносили, но лопнуло терпѣніе и грязнуль громъ 21 января 1911 г. Убито 4 надзирателя... Режимъ ослабѣ... Стало легче сидѣть. Атмосфера порокъ, карцера стала забываться.

Пороли вѣдь чуть ли не каждый день. Карцера всегда полны.. Тутъ стало легче... Но вотъ подходитъ 1912 г. и съ конца 1911 г. опять начинаютъ подтягивать тюрьму — готовятся къ манифесту. Подтягивали весь 1912 г. Карцера опять стали полны, не стало хватать мѣста.

Вводили все новые и новые правила, желая тюрьму обратить въ казарму, а каторжанъ въ солдатъ. Наконецъ въ маѣ 1913 г. опять грянуль промъ. Убить надзиратель... 7 человѣкъ повѣшены. Видимо струны были очень натянуты.. Смѣшно говорить, что готовился побѣгъ; нельзя бѣжать изъ Бутырской тюрьмы. Если убѣжишь, надо повѣрить въ чудо...

Яковъ.

Гримаса раскола.

Злобой партійнаго дня Российской Соц.-Демократіи является расколъ въ с.-д. фракції IV-ой Думы. Къ нему приковано вниманіе партійныхъ работниковъ, имъ занятая рабочая печать.

Чѣмъ объясняется такое исключительное значеніе вопроса о расколѣ думской фракції, понять не трудно. Съ одной стороны здѣсь играетъ роль общее оживленіе политическихъ и партійныхъ интересовъ въ с.-д. средѣ, на почвѣ подъема рабочаго движения, съ другой стороны думская фракція занимаетъ такое положеніе, что расколъ въ ней слишкомъ замѣтенъ и слишкомъ задѣваетъ всѣхъ.

Ничтожная царапина на лицѣ бываетъ болѣе замѣтна, чѣмъ большая рана на спинѣ. Такъ и съ думской фракціей. Она не была голой или мозгомъ нашего рабочаго движения, но она была его лицомъ, — иногда быть можетъ чрезмѣрно лояльнымъ, — но всетаки лицомъ пролетаріата, открыто обращеннымъ въ сторону политическихъ противниковъ соціалъ-демократіи. Ударъ раскола нанесъ глубокую рану этому лицу партіи, и рана эта видна каждому.

Формальную инициативу раскола, какъ извѣстно, взяли на себя шесть рабочихъ депутатовъ-большевиковъ. Они предъявили остальнымъ семи депутатамъ-меньшевикамъ (вѣрнѣ, семи съ половиной, ибо съ семеркой выступаетъ заодно также и полу-правный „совѣтательный“ членъ фракціи, п-п-совецъ Ягелло) ультиматумъ о признаніи равноправія „шестерки“ и „семерки“ — т. е. фактически обѣ отказъ большинства фракціи отъ права быть большинствомъ и о превращеніи фракціи изъ единаго учрежденія въ органъ, построенный на принципѣ самостоятельности и федераціи двухъ частей.

При нормальныхъ условіяхъ, конечно, нельзя считать правильнымъ этсмъ принципъ равноправія частей внутри думской фракції. Ибо при нормальномъ собраніи партіи, при наличности въ ней единаго руководящаго центра даже и не могло бы возникнуть подобного вопроса, такъ какъ при разногласіяхъ внутри фракціи решающимъ верховнымъ судьеи являлся бы партійный центръ, а фракція лишь выполняла бы его директивы. Но наша партія, къ сожалѣнію, уже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ не имѣетъ единаго и авторитетнаго центра и, потому, до извѣстной степени можно понять и оправдать этой особой и временной обстановкой жизни думской фракціи то предложеніе, съ которымъ „шестерка“ обратилась къ „семеркѣ“.

Но для того, чтобы это предложеніе могло имѣть ультимативный смыслъ и въ случаѣ отклоненія его, послужить основаніемъ для раскола, нужны два предварительныхъ условія: 1) чтобы шагъ этотъ предпри-

нимался съ вѣдома и одобренія большинства организованныхъ с.-д. рабочихъ, и 2) чтобы онъ былъ вызванъ очень важными причинами.

Къ сожалѣнію, приходится признать, что оба эти условія отсутствовали въ данномъ случаѣ. Рабочіе с.-д. узнали о конфлікѣ между шестеркой и семеркой и о расколѣ лишь послѣ того, какъ расколъ сталъ совершившимся фактомъ. Это, конечно, не можетъ быть оправдано ни коимъ образомъ. Ибо ни думская фракція въ цѣломъ, ни часть ея не имѣютъ никакого права брать на себя починъ раскола. Фракція есть органъ подчиненный и исполнительный, а не руководящій центръ и она не можетъ присваивать себѣ рѣшеніе такихъ важныхъ вопросовъ, какъ вопросъ о сохраненіи или расторженіи организаціонного единства партіи. И если Ленинъ и его единомышленники смотрятъ иначе, то они впадаютъ въ худшій видъ парламентскаго крећинизма, ставя организаціонную жизнь всей партіи въ зависимость отъ усмотрѣнія иволи думскихъ представителей соціаль-демократіи. Если политическій парламентскій крећинизмъ отводящій думско у представительству руководящую роль въ политической области есть зло, то организаціонный парламентскій крећинизмъ есть зло ничуть не меньшее.

Но даже и послѣ раскола истинныя причины его остались неясны для партіи. Правда, шестерка въ изданномъ ею документѣ („Письмо депутатовъ Росс. Соц.-дем. рабочей фракціи къ товарищамъ-рабочимъ“) излагаетъ мотивы, побудившіе ее къ расколу, но эти мотивы въ изложеніи товарищей изъ шестерки, являются малоубѣдительными. Въ самомъ дѣлѣ, посмотрите, каковы эти мотивы:

1) Семерка не выбрала никого изъ шестерки въ бюджетную комиссію Думы! Да развѣ же можно раскальваться изъ-за такой причины? Развѣ изъ-за мѣста въ какой то комиссії, или хотя бы изъ-за ста мѣстъ въ ста думскихъ комиссіяхъ можно рвать единство организаціи, да еще въ такой важный политический моментъ?

2) Семерка приняла во фракцію не-соціаль-демократа Ягелло. Это обвиненіе было бы болѣе существеннымъ, если бы, во-первыхъ, Ягелло имѣлъ во фракціи рѣшающій голосъ, а во-вторыхъ, если бы это обвиненіе было выдвинуто не заднимъ числомъ, не послѣ того, какъ шестерка работала вмѣстѣ съ семеркой въ теченіе года, въ присутствіи этого же самаго Ягелло, нынѣ положенного на дно непереходимой пропасти раскола.

3) Не болѣе удовлетворительнымъ является и ссылка на то, что семерка выдвинула въ декларациіи фракціи бундовскій лозунгъ культурно-национальной автономіи. Конечно, это лозунгъ недѣпый, это мелкая утопія еврейскаго мѣшанскаго соціаль-націонализма, но вѣдь опять-таки шесть и семь не раскальвались цѣлый годъ послѣ того, какъ эту злосчастную культурную автономію меньшевики, въ угоду своимъ друзьямъ-бундовцамъ, втиснули въ декларацию. А, кромѣ того, представьте себѣ, что въ составѣ думской фракціи были бы 1 — 2 бундовца и что они стали бы съ трибуны защищать эту автономію. Вѣдь не исключили бы вы ихъ за это изъ фракціи, какъ не исключенъ и не можетъ быть исключенъ изъ нашей партіи Бундъ за его культурно-национальную агитацию.

4) Остается послѣдній мотивъ. Это — провозглашеніе меньшевиками-депутатами въ Думѣ лозунга борьбы за свободу коалицій. Но первое, что вѣдь невольно бросается въ глаза, это то, что данный мотивъ совершенно отсутствовалъ въ первоначальномъ ультиматумѣ шестерки по адресу семерки (16 октября) и что лишь впослѣдствіи онъ былъ пріешитъ къ дѣлу. Далѣе, если взять исторію всѣхъ нашихъ с.-д. фракцій, то въ ихъ работѣ можно найти и худшіе промахи. Напримѣръ, фрак-

ція III-ї Думи виступила съ весьма либеральной, но не весьма соц.-дем. декларацией. Однако Ленинъ не „откололся“ отъ нея. Во фракції 2-ой Думы были куда болѣе серьезны разногласія, ибо меньшевики, руководишиѣ этой фракціей доходили до ликвидації программы (напомню, изъятіе словъ „безъ выкупъ“ изъ лозунга отчужденія земли). Однако не было и тогда раскола. А теперь онъ есть.

Почему же теперь есть расколъ?

Для отвѣта на этотъ вопросъ надо отмѣтить моментъ, въ который случился расколъ. Онъ произошелъ въ самомъ началѣ новой сессіи Думы, послѣ лѣтнихъ каникуль. Что же такое могло произойти лѣтомъ, что вызвало обостреніе борьбы между шестью и семью?

Лѣтомъ состоялась Ленинская конференція (которую Ленинъ по свойственному ему „эгоцентризму“ считаетъ „совѣщаніемъ при Ц. К Р. С.Д. Р. П.“ и т. д.). Эта конференція, переполненная заграничными фракціонерами, сдѣлала изъ шестерки обухъ, которымъ Ленинъ хочетъ ушибить ликвидаторовъ. Шестеркѣ сказали ленинцы: раскалывайте фракцію! и шесть депутатовъ послушно повиновались этому вредному приказу. Что дѣло было именно такъ, это видно изъ письма самой же шестерки къ рабочимъ. Въ этомъ письмѣ шесть депутатовъ говорятъ, что, ставя ультиматумъ своимъ семи коллегамъ, они „считались съ волею того руководящаго цѣлаго, которое объединяетъ сейчасъ всѣхъ марксистки организованныхъ рабочихъ“, а именно съ волей лѣтняго „обще-российскаго совѣщанія“. Здѣсь шесть товарищей-депутатовъ проявили поразительную неосвѣдомленность. Они, оказывается, и не подозрѣваютъ, что никакого „руководящаго цѣлаго“ сейчасъ въ нашей партіи нѣтъ и что то, что имъ показалось руководящимъ цѣльмъ, есть заграничный ленинский кружокъ.

Эта неосвѣдомленность и наивность, заставившая шесть депутатовъ принять Ленина за „обще-партийный центръ“, до извѣстной степени, смягчаєтъ поступокъ шестерки, хотя печально, разумѣется, что люди, желающіе представлять въ Думѣ организованъ с.-д. пролетариатъ Россіи, такъ мало знакомы съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣлъ внутри партіи и такъ податливы на внущенія, исходящія отъ кружка заграничныхъ специалистовъ по части раскола. Вслѣдствіе этого Ленину и удалось наложить руку на думскую фракцію, являющуюся лицомъ соціаль-демократій, и отъ прикосновенія этой руки на этомъ лицѣ получилась скверная грифаса раскола.

Считаю нужнымъ подчеркнуть, что политически мы, впередовцы, считаемъ себя, конечно, гораздо болѣе близкими къ „шестеркѣ“, чѣмъ къ „семеркѣ“. Мы знаемъ, что дѣятельность меньшевистско-ликвидаторскихъ руководящихъ круговъ нерѣдко была пропитана духомъ самаго пошлого оппортунизма, доходившаго до отказа отъ партійной программы (это было на августовской конференціи 1912 г.), до недобросовѣстной борьбы противъ революціонныхъ выступлений пролетариата, — противъ политическихъ стачекъ и демонстрацій (напомню воззваніе ликвидаторовъ противъ петербургской стачки и демонстраціи въ день открытія IV Думы). Но судьей въ спорѣ между правымъ и лѣвымъ крыломъ соціальдемократіи является не ленинский кружокъ и не подпавшие подъ его „руководство“ шесть рабочихъ депутатовъ, а лишь сама партія, въ лицѣ ея съѣзда. Даже если ликвидаторы сами толкали шестерку на расколъ, такъ и то не надо было на него идти, тѣмъ болѣе, что семерка, въ концѣ концовъ, не является официальнымъ представительствомъ ликвидаторскаго теченія. Это признаютъ и сами шесть депутатовъ, которые въ своемъ обращеніи къ рабочимъ пишутъ, что они не считаютъ семерку всецѣло примыкающей къ ликвидатор-

ству, а лишь „колеблющейся“. Но даже если бы, повторяю, семерка официально представляла собой данное течеіе, такъ и въ этомъ случаѣ не шести депутатамъ рѣшать вопросъ о единствѣ Р. С.-Д. Р. П. Это — дѣло авторитетнаго съѣзда.

Все это даетъ намъ, впередовцамъ, право указать шестеркѣ, что ея шагъ является безусловной ошибкой. Таково, конечно, мнѣніе всѣхъ членовъ партіи, чей умъ не опустошенъ стремлениемъ къ расколу ради раскола.

Г. Алексинскій.

РЕЗОЛЮЦІЯ

Паризькаго Кружка содѣйствія Групѣ „Впередъ“ по вопросу о расколѣ въ думской соц.-дем. фракціи.

Обсудивъ вопросъ о расколѣ въ соц.-дем. фракціи 4-ой Госуд. Думы, собраніе полагаетъ:

1) Что главной причиной и основой этого раскола является разъединенное и раздробленное состояніе партійныхъ организаций и отсутствіе единаго руководящаго партійного центра, пользующагося общимъ довѣріемъ большинства партійныхъ элементовъ. Въ соотвѣтствіи съ этимъ и ликвидацией раскола въ думской соц.-дем. фракціи возможна лишь путемъ объединенія партійныхъ организаций. Для объединенія же партіи необходимымъ предварительнымъ условіемъ является съ одной стороны идейное сплоченіе всѣхъ революціонныхъ элементовъ Р. С.-Д. Р. П., а съ другой — созывъ авторитетнаго общепартійного съѣзда или, по крайней мѣрѣ, широкой партійной конференціи съ дѣйствительнымъ представительствомъ организованыхъ рабочихъ.

2) Собраніе признаетъ, что при теперешнемъ положеніи дѣль въ партіи, вопросъ объ отношеніяхъ внутри думской фракціи не долженъ рѣшаться случайнымъ большинствомъ одного голоса и что „семь депутатовъ“ должны пойти навстрѣчу „шести депутатамъ“ въ ихъ требованіи гарантіи ихъ правъ и въ обезспеченіи имъ возможности вести думскую работу въ интересахъ революціонной соціальдемократіи и въ соотвѣтствіи съ волей избирающихъ ихъ рабочихъ.

3) Собраніе полагаетъ, что въ политическомъ отношеніи шесть рабочихъ де утатовъ болѣе правильно выражаютъ позицію революціонной соціальдемократіи, но что для обезспеченія себѣ поддержки широкихъ круговъ соц.-дем. рабочихъ, они должны съ своей дѣятельности преслѣдовывать цѣли объединенія партіи и считаться не съ мнѣніемъ какой-либо одной фракціи или группы, а съ общественнымъ мнѣніемъ всѣхъ революціонныхъ элементовъ Р. С.-Д. Р. П.

Изъ жизни Соціальдемократіи Латышскаго Края за періодъ общественнаго подъема.

Даже за время самой темной реакціи, когда — съ одной стороны — подъ ударами обнаглѣвшаго самодержавнаго правительства рѣдѣли ряды нашихъ организаций, а съ другой — подъ влияніемъ наступившаго безвременія многіе „разочаровавшіеся“ въ революціи и партіи бывшіе партійные дѣятели добровольно покидали организацію, — соціальдемо-

кратія Латышского Края высоко держала свое боевое знамя. Партийная деятельность шла у насъ безпрерывно съ самаго основания Партии, хотя временами (въ 1904—10 гг.) число организованныхъ членовъ сокращалось въ пятеро въ сравненіи съ годами революционного подъема.

Нечего и говорить о томъ, что, сумѣвши сохранить свои организаціи въ годы реакціи, Соціальдемократія Лат. Края расширила и углубила свою деятельность съ наступлениемъ общественного подъема. Въ данное время наша нелегальная организація насчитываетъ до 3000 организованныхъ членовъ — количество, не особенно большое въ сравненіи съ числомъ организованныхъ рабочихъ въ 1905—6 гг. Но все же это — сила, оказывающая несомнѣнное влияніе на рабочее движение нашего края и руководящая этимъ движеніемъ.

Что касается внутренней жизни С.-Д. Л. К., то нужно признать, что тамъ не все „обострили благополучно“. Вмѣстѣ съ оживленіемъ рабочаго движения „оживилась“ и та часть нашихъ соціальдемократовъ которую обычно называютъ „ликвидаторской“. Правда, ужъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ на страницахъ нашего Ц. О. попадались статьи, представлявшія собой скромное перевѣживаніе статей М-ртова, Дана и Ко. изъ „Голоса С.-Д.“. Но въ послѣднее время — время, связанное съ подъемомъ революціи движенія въ Россіи, наши ликвидаторы заговорили болѣе опредѣленнымъ языкомъ. Конечно, говорить о „ликвидациіи“ нелегальной партии при нашихъ условіяхъ, — при условіяхъ Столыпинской конституціи съ одной стороны и при несомнѣнной руководящей роли нелегальныхъ организацій въ рабочемъ движении нашего края — съ другой, — было бы полной нелѣпостью. Поэтому „теоретики“ нашего ликвидаторства, стоящіе за легальность во что бы то ни стало, мудро советуютъ пользоваться нелегальной организаціей для обслуживания легальныхъ возможностей*. Впрочемъ, они не остаются безъ послѣдователей, доводящихъ дѣло „до конца“ и рекомендующихъ покинуть не только всякие „нелегальные кружки“, но буквально советующихъ рабочимъ бросить въ уголъ Эрфуртскую программу и книги по экономическимъ вопросамъ и заняться „практическимъ дѣломъ“: страховой кампаніей, петиціонными и коалиціонными кампаніями, мѣстнымъ самоуправлениемъ, участіемъ въ обществахъ трезвости и взаимопомощи и т. д., и т. д. (см. въ легальн. марксистск. оргачѣ „Дзивесъ Балсъ“ № 19, статью „Слова и дѣла“). Положеніе ухудшается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что по странной случайности съ нѣкоторыхъ поръ всѣ руководящіе центры нашей организаціи очутились — въ рукахъ ликвидаторовъ.... Дѣло въ томъ, что вотъ уже лѣтъ пять, какъ не собрался нашъ съѣздъ. Правда, года два тому назадъ была сдѣлана попытка организовать таковой; съѣхались даже делегаты и успѣли обсудить нѣсколько вопросовъ; между прочимъ, выразили недовѣріе мѣскому Ц. К. Но вслѣдствіе полицейскихъ преслѣдованій съѣздъ долженъ былъ разбрѣться не успѣвъ обсудить всѣхъ вопросовъ порядка дня и выбравъ временный Ц. К., которому и было поручено созвать въ ближайшемъ будущемъ новый съѣздъ. Вслѣдствіе проваловъ составъ временнаго Ц. К. быстро измѣнился: въ немъ получили большинство ликвидаторы. Несмотря на получение прерванныго съѣзда, Ц. К. и не думалъ созывать новый съѣздъ; вмѣсто этого онъ занялъ „объединеніемъ“ русскихъ творищъ — (дѣло, конечно, хорошее, если за него умѣло ввязаться...), окончившимъ печальной памяти августовской „конференції“. Но Ц. К. не ограничилъ организаціей „конференціи“ организацій Р. С. Д. Р. П.: онъ волею и въ созданный ею центръ. Организационный Комитетъ; и не только вошелъ туда, но сталъ вносить въ касу его и процентные отчисленія отъ своихъ доходовъ — вносить туда суммы, ютичнныя въ качествѣ членскихъ взносовъ отъ рабочихъ нашей нелегальной организаціи, чтобы на эти деньги облегчить ликви-

даторамъ изъ „Луча“ борьбу съ нелегальными же организаціями!... Однимъ словомъ — использовали “возможность”...*)

Въ царствование этого же Ц. К. мы дожили и до того поистинѣ по-зора-наго факта, когда изъ избирательной платформы въ IV Думу конференціей С. Д. Л. К было выкинуто требование 8-ми часового рабочаго днѧ... чтобы не отпугнуть либераловъ...

Этимъ промахи (чтобъ не сказать больше) нашего Ц. К. не исчерпываются. Когда въ ноябрѣ 1912 года заграницей началъ выходить информаціонно агитационный органъ лат. большевиковъ**), многія мѣстныя организаціи въ Прибалт. Краѣ, давно ужъ недовольныя дѣятельностью Ц. К., потребовали отъ него, чтобы онъ, наравнѣ съ ликвидаторскимъ Ц. О. „Цина“, доставлялъ и большевистской „Бюллетең“. Когда Ц. К. упорно игнорировалъ эти требованія, нѣкоторыя организаціи поручили своимъ исполнительнымъ органамъ искать другиѣ путей для полученія „Бюллетең“, если Ц. К. отказывается его доставить. Въ отвѣтъ на это Ц. К. „разяснилъ“ Виденскую (деревенскую) организацію, простоянавивъ ея дѣятельность и ссылаясь при этомъ на уставъ С. Д. Л. К., по которому организаціи якобы не могутъ поддерживать связей съ другими организаціями помимо Ц. К., хотя на самомъ дѣлѣ въ уставѣ С. Д. Л. К. чѣтъ пункта, воспрещающаго организаціямъ доставку легитимитету помимо Ц. К.

Были и существуютъ тренія между Ц. К. и организаціями и по другимъ вопросамъ. Выходъ изъ создавшагося положенія одиныхъ — съорганизацій съѣзда С. Д. Л. К. Послѣ долгихъ проволочекъ и Ц. К. призналъ его необходимымъ, но выставилъ при этомъ одно ультимативное требование организаціи обязываться внести въ кассу Ц. К. 3000 р. специально на организацію съѣзда! Требованіе — незаконное, такъ какъ обычно районы сами оплачиваютъ поѣздку своихъ делегатовъ, Товарищи пошли на это требованіе и какъ въ Прибалт. Краѣ, такъ и заграницей единодушно взялись за сборы денегъ. Благодаря этому, можно ждать, что съѣзду дѣйствительно, состоится.

Но дѣло и въ дальнѣйшемъ не обходится безъ недоразумѣній съ Ц. К. Въ выдвинутомъ послѣднимъ порядкѣ дня съѣзда не хватаетъ такого важчаго пункта, какъ вопросъ „о текущемъ моментѣ и задачахъ партії“, отъ решенія которого зависятъ многія другія постановленія съѣзда. Дополняя выткнутый Ц. К.-томъ порядокъ дня этимъ путемъ, „оппозиція“ въ связи съ нимъ предлагаетъ обсудить, между прочимъ, вопросъ организаціоннаго (пролетарская и военная организаціи). Вообще товарищи изъ „оппозиціи“ дѣятельно готовятся къ съѣзду. Всѣ вопросы, связанные съ порядкомъ дня, обсуждаются на собраніяхъ организацій и въ заграничномъ органѣ бывшемъ. Не обойденъ, между прочимъ, и вопросъ объ отношеніи къ Р. С. Д. Р. П. Признавая, что въ данный моментъ соціальдемократическая партія въ Россіи можетъ существовать только нелегально, латышскіе товарищи дѣлаютъ выводъ, что всякой соціальдемократъ долженъ войти въ т. или иную нелегальную партійную организацію. Осуждая ликвидаторство, какъ направление, порывающее съ Партией, большинство лат. „оппозиціи“ требуетъ „тѣснѣшаго сближенія“ съ Ц. К. Р. С. Д. Р. П., выбраннымъ на ленинской январской конференціи 1912 года. Послѣднее требование нѣсколько странное и особенно странно слышать его отъ латышскихъ соціальдемократовъ, такъ ярко и дѣльно обличавшихъ беззаконные дѣйствія своего Ц. К.

*1 Вирочемъ, вслѣдствіе протестовъ организацій Ц. К., наконецъ, „временно“ отозвалъ своихъ представителей изъ О. К.

**) Вскорѣ затѣмъ и въ Прибалт. Краѣ нѣсколькими деревенскими организаціями былъ поставленъ революціонный нелегальный органъ „Zihnas Beedris.“

Наши товарищи не могутъ не знать, что защищаемый ими русскій „Ц. К.“ (съ позволенія сказать!) — результатъ незаконнѣйшаго акта, какой когда-либо совершался въ Р. С. Д. Р. П., они не могутъ не знать, что этотъ „Ц. К.“ не выбранъ партійнымъ съѣздомъ, какъ этого требуетъ уставъ Р. С. Д. Р. П., а группой правыхъ большевиковъ*), — группой, которая — во главѣ со своимъ идеянымъ руководителемъ, Т. Ленинимъ — самовольно присвоила себѣ имущество, принадлежавшее если и не всей партіи, то по крайней мѣрѣ всей б-ской фракціи; объ этомъ данная группа должна будетъ еще дать отчетъ передъ общепартійнымъ съѣздомъ, скораго созыва котораго требуютъ и латышскіе товарищи Въ этомъ требованіи ихъ, конечно, поддержать всѣ здравомыслие соціальдемократы, такъ какъ только общепартійный съѣздъ можетъ плюсить конецъ существующему въ Партии разброду и намѣтить туть путь, котораго должна держаться революціонная партія россійскаго пролетариата.

Латышскій с.-д. Я. М.

О ленинской конференції.

Вышелъ изъ печати отчетъ о ленинской конференції, состоявшейся минувшимъ лѣтомъ. По словамъ отчета, на конференціи присутствовали „22 дѣятели“ нелегальной и легальной с. д. работы въ Петербургѣ, Москвѣ. Центрально промышленномъ районѣ, на Югѣ, на Уралѣ, въ Польшѣ*. Но такъ какъ составители отчета не сочли нужнымъ хотя бы словечкомъ обмолвиться о томъ, были ли это представители съ мѣстъ и выбранные организованными рабочими, то уже это одно умоляніе говорить о томъ, что это были, по преимуществу, „дѣятели“ изъ заграничнаго енинскаго кружка. Что касается польскихъ с.-д., то, повидимому, рѣчь идетъ объ участіи въ ленинской конференціи заграничныхъ дѣятелей, примыкающихъ къ варшавской оппозиціи. Очень сочувствуя успѣшной борьбѣ этой оппозиціи противъ самовластія кружка Тышки и Ко., мы тѣмъ болѣе можемъ сожалѣть, что заграничные вожди оппозиціи втягиваютъ ее во фракціональныя предприятия ленинцевъ: врядъ ли варшавские рабочіе боролись противъ иги Тышки только затѣмъ, чтобы ихъ подчинили игу ленинской фракціи. Кроме того, поддержка польскими оппозиционерами ленинскаго кружка опасна и для общепартійныхъ интересовъ, такъ какъ национальная организація только въ томъ случаѣ сможетъ сыграть положительную роль въ дѣлѣ возстановленія единства пртії, если они, солидаризируясь съ тѣмъ или инымъ политическими течениемъ внутри партіи, не будутъ въ то же время становиться орудіемъ фракціонныхъ замысловъ. Въ этомъ смыслѣ поддержка заграничными дѣятелями варшавской оппозиціи ленинскихъ затѣй столь же ошибочна и вредна, какъ была вредна поддержка латышскимъ Ц. К. ликвидаторской затѣи фракціонного свѣтства, или какъ постоянное участіе бундовскаго центра во всѣхъ сугубо-фракціонныхъ шагахъ правыхъ меньшевиковъ.

* *

Обращаясь къ резолюціямъ ленинской конференціи, мы видимъ, что въ нихъ, какъ и во всей теперешней позиціи ленинской группы хорошее перемѣшано съ плохимъ

Хорошій является резолюція о задачахъ агитации въ настоящій моментъ. Въ этой резолюціи вновь выразилось полѣвѣніе праваго большеви-

*). Вѣдь не одобряютъ же лат. товарищи — въ большинствѣ своемъ — инспирированного той же группой раскола с.-д-ской фракціи Гос. Думы...

візма, представляемаго ленинскай группой. Въ то время, какъ еще въ 1909-1910 гг. эта группа въ своей литературѣ сбивалась на ликвидаторскую оцѣнку политического положенія Россіи и предсказывала нашей странѣ мирный „пруссій“ путь развитія съ постепеннымъ самопереноженiemъ самодержавія въ буржуазную монархію, теперь она рѣшительно характеризуетъ русскій государственный строй, какъ „господство реакционныхъ помыщиковъ“ и какъ „монархію, вражелѣбную всякой серьезной реформѣ и оберегающую только власть и доходы крѣпостническаго“^{*)}. Въ связи съ этимъ борьба противъ двоинско-крѣпостническаго самодержавія подъ лозунгами республики, конфискаціи земли и 8-час. рабочаго дня выдвигается ленинскай конференціей, какъ практическая и очередная задача.

Все это мы, впередовцы, можемъ только привѣтствовать, такъ какъ наше первоначальное расхождевіе съ ленинцами именно и возникло на почвѣ ихъ времененного уклоненія вправо и ихъ упованій на „пруссій типъ“ развитія Россіи *).

Привѣтствуемъ мы также и то, что ленинскай конференція признала необходимымъ созывъ партійного съѣзда. Только съѣздъ можетъ вывести нашу партію изъ того безобразнаго хаоса, въ которомъ она живетъ уже нѣсколько лѣтъ и создать руководящій центръ. Но, къ сожалѣнію, ленинцы ничего не говорятъ о томъ, что такой съѣздъ можетъ быть созванъ лишь при объединенномъ участіи въ созывѣ его всѣхъ фракцій и теченій; никакой отдѣльный кружокъ, конечно, не сможетъ здѣсь ничего подѣлать. Примѣромъ могутъ служить попытки самихъ же ленинцевъ. Они уже не первый разъ собираютъ конференціи, именуя ихъ партійными, общепартійными и т. д. Но никто, кроме пары-другой заграничныхъ коллегъ Ленина, конечно, и въ грошъ не ставитъ рѣшеній этихъ яко бы партійныхъ конференцій и не считается съ ними, какъ не считается никто и съ рѣшеніями организованной Троцкимъ ликвидаторской конференціи.

Въ частн. сти, и новая ленинскай конференція именуется торжественно „Совѣщаніемъ Цен. Комит. Р. С. Д. Р. П. съ партійными работниками“, а въ предисловіи къ „изданному Центр. Комитетомъ“ отчету о ней сообщается совершенно серьезно, что „всѣ рѣшенія ся утверждены Центр. Комитетомъ и, такимъ образомъ, пїюбрѣли обязательную силу для нашей партіи“. Но вѣдь вѣдь кому хорошо извѣстно, что никакого Центр. Комитета Россійская Соц. Демократія не имѣеть уже нѣсколько лѣтъ и что то, что ленинцы называютъ „Центр. Комитетомъ“ — есть Ленинъ съ „печаткой“ Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. Но вѣдь самъ же Ленинъ понимаетъ по-красно, что заказать печатку съ б согласными буквами еще не значить дѣйствовать согласно уставу партіи, и что члены партіи просто-на-просто смыются, когда читають юмористическая заявленія о томъ, что написанныя Ленинъ и Ко. резолюціи становятся „обязательными“ для всей партіи оттого, что Ленинъ „утвердилъ“ ихъ. Зачѣмъ смыть членовъ партіи и пріучать ихъ относиться съ неуваженіемъ къ имени Ц. К.?

Къ числу хорошихъ рѣшеній конференціи относится резолюція о необходимости „усиленного развитія нелегального партійного издательства“. Это — правильно, ибо, конечно, существующей легальной прессы недостаточно, потому что она, находясь въ цензурныхъ тискахъ, не можетъ вести сколько-нибудь выдержанной соц.-дем. агитациіи. Единственное, что позволяетъ вполнѣ царская цензура и большевистской и

^{*)} Въ числѣ лозунговъ борьбы почему-то опущена замѣна постоянной арміи всеобщимъ вооруженіемъ. Не уступка ли это ликвидаторству? Конференція вдобавокъ совсѣмъ не удѣлила вниманія вопросу о с.-д. работѣ въ арміи. Это — ошибка, ибо безъ усиленной работы въ арміи побѣда надъ царизмомъ далеко не обеспечена.

меньшевистской газеты въ Петерб., это — пойдатъ другъ друга и раздувать фракционную грязнь. Ленинецъ можетъ рѣзко писать въ легальной прессѣ о ликвидаторахъ, ликвидаторъ — о ленинцахъ. Противъ царизма же и противъ гнета капитала ни тотъ, ни другой писать сколько нибудь определенно не могутъ, ибо этого имъ цензура не позволяетъ.

Резолюция по вопросу о думской с.-д. фракціи, начиная съ хорошаго заявления о томъ, что „единство с.-д. фракціи въ области работы возможно и необходимо“ не даетъ никакихъ доводовъ въ пользу происшедшаго раскола, ибо нельзя считать доводами мелкія жалобы на то, что 7 депутатовъ не выбирали никого изъ б въ какія-то думскія комиссіи. А другихъ доводовъ въ резолюціи нѣтъ совсѣмъ, и резолюція еще разъ подтверждаетъ наше мѣніе, что расколъ въ думской фракціи возникъ не на почвѣ серьезныхъ политическихъ разногласій, а на почвѣ раскола ради раскола.

Резолюція о стачечномъ движеніи, выдвигая правильную мысль о необходимости подготовки всероссійской политической забастовки, не указываетъ, къ сожалѣнію, на тотъ несомнѣнныи фактъ, что таковая забастовка можетъ быть успѣшна не сама по себѣ, а лишь какъ переходъ къ уличнымъ выступленіямъ рабочихъ массъ и къ восстанію пролетариата и деревенской бѣдноты.

Ленинская конференція занялась, кромѣ того, национальнымъ вопросомъ. Но тутъ въ ея рѣчиахъ получилась большая путаница, которая объясняется, повидому, темъ, что ленинцы въ своемъ рѣшеніи национальной проблемы исходили не столько изъ марксистского анализа конкретныхъ россійскихъ условій, сколько изъ желанія „всыпать“ Бунду за его „культурно-национальную автономію“. Въ результатѣ и получилась довольно о бесприципная каша, въ которой съ одной стороны заявляется, что „с.-д. партія безусловно должна отстаивать право угнетенныхъ царской монархией націй на отдѣленіе“ отъ Россіи, а съ другой отрицаются за этими же угнетенными націями право самостоятельно вѣдѣть школьнѣмъ дѣломъ (раздѣленіе по национальностямъ школьнаго дѣла въ предѣлахъ одного государства безусловно вредно и т. д.). Это противорѣчие не лишено даже комического элемента: „отдѣляться“ дескать, отъ Россіи можете, но пока въ Россіи живете, о собственной школѣ не смѣйте и думать.

Впрочемъ, ленинская конференція, очевидно, и сама чувствовала нелѣпость причитой резолюціи, въ которой содержится съ одной стороны врядъ ли оправдываемый марксизмомъ призывъ къ отдѣленію, а съ другой отрицаются очень элементарныи и не противорѣчивація марксизму практическія нужды школьнаго дѣла. Поэтому принявъ резолюцію, конференція пригласила партійную прессу и организаціи „возможно подробнѣе освѣщать (въ брошюрахъ, дискуссіяхъ и т. д.) национальный вопросъ“. Лучше бы было начать съ освѣщенія и потомъ уже рѣшать, чѣмъ принять нелѣпое, сомнительно-марксистское рѣшеніе и, затемнивъ имъ проблему, закончить вздохомъ и необходимости освѣщенія ея.

Петр. Ал.

Отъ редакціи.

По недостатку мѣста отложены до слѣдующаго выпуска статьи тов. Н. Любимова о рабочемъ движеніи въ Болгаріи, тов. П. А. о международной политикѣ царизма и др.